

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АСЕЕВА

**Удивительные приключения
Пашки и Батанушки**

Елена Асеева

**Удивительные приключения
Пашки и Батанушки**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Удивительные приключения Пашки и Батанушки / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965451-9

Перед вами нежная и очень трогательная история знакомства и дружбы мальчика Пашки и домового духа, Батанушки. Их неповторимые приключения, полные событий дни и ночи, — все заставит вас улыбаться, смеяться, сопереживать и радоваться. А русские традиции, песни, пословицы, язык и многообразие самих волшебных существ подарят возможность соприкоснуться с удивительным миром наших предков.

ISBN 978-5-44-965451-9

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

История первая. Знакомство	6
История вторая. Икота	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Удивительные приключения Пашки и Батанушки

Елена Александровна Асеева

© Елена Александровна Асеева, 2019

ISBN 978-5-4496-5451-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая. Знакомство

Пашка тягостно вздохнул, оглядывая раскинувшийся перед ним большущий надел земли, точнее даже огромнейший. Мальчик и вовсе мог бы сказать про него, не имеющий конца и края, а бабушка ласково называла «делянушка». Этот значительный участок коричнево-черной земли (едва покрытой зелеными всходами), где-то на удалении (огражденный деревянным штакетником) переходил в плотные травянистые луга, оные в свою очередь замещались непроходимыми лесными далями. Делянушка своим внушительным видом пугала Павлика, а раскинувшиеся на ней словно выверенные по единой линии грядки, да ряды, где уже помахивали пучками листочков морковь, свекла, репа, картошка, огурцы, покачивала махунечками головками капуста, легонечко вздрагивали тонкими стебельками помидоры, баклажаны, перец, приводили в ужас. Осознание того, что он все три месяца, столь долгожданных для любого школьника каникул, будет наблюдать изо дня в день лишь этот надел земли, да бабушку. Жить в ее доме, словно врезавшимся собственным фундаментом в почву, потому и ставшим таким же коричнево-черным, который расположился в маленькой деревне, затерявшейся в глуши и без того раздольной русской земли. А десять или двенадцать дворов всего, что и находилось в селе, в оных жили такие же пожившие, как и его бабушка, старики однозначно указывали, что мальчишке придется влачить жалкое существование без возможности нормально пообщаться или поговорить со сверстниками... Не говоря уже о том, что в доме, как и в целом в деревне отсутствовали такие блага цивилизации, как Интернет, социальные сети, он-лайн игры...

Тут и совсем не имелось компьютеров, планшетов, мобильных телефонов, телевизоров...

Здесь даже не было обычных телефонов, так называемых стационарных. Отсутствовали магазины, поликлиники, школы, детские сады...

В этом селе доживали свой век старики, кто поодиночке, кто сообща...

Когда-то крупная деревня, где поначалу сеяли и пахали, погода выращивали лен, сейчас степенно умирала... Покинутая зрелыми, молодыми, она теперь держалась лишь на стариках, к которым очень редко из ближайших или далеких городов на короткий промежуток времени (вроде как погостить) приезжали их дети... Еще реже внуки... Отсутствие тех самых благ (из которых в селе все пока оставалось электричество) и вовсе дело это поселение не привлекательным для жизни.

Эту самую непривлекательность Пашка сразу уловил, стоило ему только услышать строгие слова папы, Андрея Александровича, еще в феврале месяце предупредившего его о грозящем наказании за плохую учебу и увлечение компьютерными играми... И, кажется, все еще звучали напутственные слова папы, уже здесь, возле штакетника (окужавшего не только делянку, но и сам двор бабушки), при прощании, сказавшего:

– Павел, я надеюсь близость к природе, труд и отсутствие твоих любимых компьютерных игр изменят тебя. И ты, наконец-то, поймешь, что этот мир не смыкается экраном компьютера, а краски природы, наполненной лесами, лугами, речками настроят тебя на более серьезное отношение к учебе и жизни.

Пашка тогда только горько вздохнул... Он уже не решился, чего-либо ответить, так как именно его желание в прошлый раз оспорить мнение папы окончательно настроили последнего на применение к сыну наказания.

Андрей Александрович, впрочем, не считал каникулы в деревне у бабушки наказанием. С восторгом рассказывая как прекрасно поутру сходить на речку порыбачить, или вырвав с грядки морковь, вот так не мытой съесть ее...

Мальчик же считал по-другому... и тогда, и тем более сейчас.

Сейчас, когда смотрел на эту раскинувшуюся перед ним делянушку, опираясь одной рукой о жердину штакетника. Местами забор, отделяющий двор от огорода, растерял верти-

кально установленные доски, уткнувшиеся заостренными концами в самую землю. Однако все еще крепко удерживал длинные жердины, к которым деревянные планки в свою очередь были прибиты гвоздями.

Папа еще прибавил, точно и вовсе хотел до конца расстроить Павлика:

– И я верю, что моему сыну после отдыха у бабушки в шестом классе станет более дорог русский язык и литература, а не Дракин.

Мог бы не упоминать Дракина-Непобедимого, героя любимой мультиплатформенной компьютерной игры «Блакрум». В которую Пашка мог бы играть часами и днями, даже не отрываясь на еду и сон, если бы только позволили.

Но беда в том, что папа не позволял, и если мама вроде как закрывала глаза на увлечения сына... То Андрей Александрович был неумолим, вынося, прямо-таки, диагноз сыну какой-то называл компьютерная игромания, бывшую разновидностью игровой зависимости. Эту опасную болезнь многие врачи сравнивают с алкоголизмом и наркоманией. Изменение психического состояния, навязчивые идеи, агрессивность, сужение круга интересов, а в дальнейшем и неадекватность поведения, как считал папа, всем этим уже был основательно заражен его сын. И чтобы его спасти, помочь и уберечь, Андрей Александрович решил отправить Павлика туда, где не имелось ни компьютера, ни игр... Туда, где до ближайшего телефона пришлось бы идти аж! до соседнего села, где проживало всего только человек пятнадцать-семнадцать, да и то, лишь уважаемые трудом старики, для самого мальчика бабушки и дедушки...

Дед Борис и баба Шура, дед Митя и баба Галя, баба Тоня и дед Володя... Дуся, Маня, Миша, и вновь Шура, и опять Митя...

Бабушка, Вера Ивановна, их перечисляла для Пашки несколько раз, и начала это делать сразу, как только по грунтовой дороге, крайне неровной, с множеством ям и кочек укатил папин автомобиль. А баба Вера не просто величала своих соседей по именам, выдавая информацию о численности семьи, посадках, но и о животном составе дворов (словно на том держалась вся эта деревня) рассказывая о количестве гусей, кур, коз, свиней и коров.

Старики в этом селе жили своим трудом и за счет труда, привыкшие с юности работать. Они и сейчас, когда многим (как, к примеру Вере Ивановне) перевалило за шестьдесят пять не придавались отдыху, обеспечивая полностью себя на зиму пропитанием, помогая детям и внукам.

– Не забудь тока голову преклонить, кады здороваешься с соседями, – произнесла баба Вера, заканчивая поименное перечисление соседей.

– Чего? – моментально отрываясь от своих грустных мыслей, негодуя переспросил мальчик. И тотчас резко дернул взгляд от легкой курящейся заверти, оставленной на дороге после отъезда автомобиля, в направлении лица бабушки, уставившись в ее зелено-карие глаза.

Вера Ивановна, впрочем, не смутилась... Она родившаяся еще в том веке, и всю жизнь, прибывающая в труде, имеющая в свой срок большой двор и семью, вырастившая пятерых сыновей, и проработавшая дояркой в колхозе. И сейчас, после смерти мужа, вернувшаяся в дом, где когда-то родилась, с той же необоримостью голоса, словно видела перед собой упрямую корову, не желавшую доиться, сказала:

– Малешенько дык кивнешь, кады здоровуешься с соседями, дабы они углядали твое к ним почтение.

Бабушка всегда говорила не ясно, используя в своей речи слова, понятия которых оставались для мальчишки не раскрытыми, а звучание, словно чуждым тому языку на коем теперь разговаривали в современном обществе. Суровый же взгляд Веры Ивановны почасту вызывал в мальчишке легкий страх. Пашка гостил у нее не часто. Еще мальцом, он впрочем, бывал у деда и бабы в их прежнем доме, в прежнем селе, более крупном и обжитом, где была школа, поликлиника, магазины, детский сад и даже дом культуры. Там, где они вырастили сыновей, в том числе и его папу, в большом кирпичном доме, который после смерти дедушки был продан.

И всегда тогда казалось мальчику, что нет никого на свете более строгого, чем его бабушка Вера... И всегда тогда казалось мальчику еще слово, и бабушка Вера огреет, дедушку или его, скалкой по горбу...

Впрочем, это была присказка, которую любила сказывать Вера Ивановна, как пояснял дедушка Саша.

Дедушка всегда говорил, что бабушка на самом деле добрейшей души человек и никого за всю жизнь скалкой по горбу не огрела, и даже ладошкой не коснулась. А кажется строгой лишь потому как жила среди мужиков, поэтому и сама вроде штаны на себя одела...

Так сказывал дед Александр, посмеиваясь над своей женой, не обижая и не унижая, всего только разбавляя собственными пояснениями волнение, созданное в семье. И тогда смеялся маленький Павлик, не то, чтобы осозная, о чем говорят, просто радуясь вместе с дедом.

Но Александр Петрович умер вот уже как два года, и бабушка, продав их общий дом, переехала в эту деревню, чтобы быть ближе к тому месту, откуда в свой срок они оба начали свою поступь по белому свету.

Пашка тогда бабушке ничего не ответил, струхнув ее грозного вида и припоминая скалку, с трудом усваивая имена ее соседей, лишь оставляя в памяти ближайших из них, тех самых деда Бориса и бабу Шуру, деда Митю и бабу Галю.

Сейчас же он стоял, опираясь на штaketник разграничивающий двор и огород, оставляющий по одну сторону дом и хозяйственные постройки по другую посадки, и прерывисто вздыхал. Так как не знал, что делать и чем себя занять в краю, где даже не имелось телевизоров, а новости (как говорила бабушка) передавались из уст в уста, осозная, что ни то, чтобы день, но и все каникулы безвозвратно для него потеряны.

– Сходил-ка б ты Панька на речку, чай, вода в ней уже теплая, – протянула Вера Ивановна. Она стояла посередине грядки, с каким-то неведомым мальчику трепетом прореживая едва наблюдаемые пучками листы моркови. Бабушка Вера выпрямилась, и, оглянувшись, широко улыбнулась внуку, растянув уголки своих светло-алых губ. Полная, высокая она всем своим видом указывала на текущую в ней русскую кровь, а дополняющее ее образ круглое лицо с все еще милovidными чертами и розоватыми щеками точно говорили, что в молодости Вера Ивановна была красавицей. Ее не портил даже костлявый с горбинкой нос, закругленный с двойной складкой подбородок, и множество морщинок расчертивших лицо. Все еще густые, темно-русые волосы (всего только чуточкой убеленные седыми волосками) собственной длинной покрывали ее спину, дотягиваясь до талии. Да только волосы бабушка не носила распущенными, она их заплетала в одну толстую косу, и, закручивая в ракушку, скрепляла заржавевшими шпильками, ровно вышедшими из прошлого века. Поверх голову баба Вера покрывала тонким платком (особенно когда занималась хозяйственными делами, вот как сейчас), связывая концы под ракушкой, таким образом, пряча и ее. Платки у нее, непременно, ситцевые и белые, яркостью разнообразных узоров гармонировали с цветастыми халатами, которые она зачастую носила. Большим был рот бабушки, короткими и тонкими брови, такими же темно-русыми, как и загнутые ресницы, точно частью выпавшие от переживания. Вместе с тем цвет кожи Веры Ивановны вопреки возрасту, уже почти по летнему согревающему солнцу и труду все пока поражал собственной белизной, лишь справленной смуглостью на руках, которые и созидали благосостояние семьи... как сейчас, так и прежде.

Она теперь развернулась и шагнула на тонкие деревянные, где узкие, где широкие дощечки, проложенные между грядками, ступив на них такими же, как и все кругом, пожитыми пепельно-серыми галошами. Огладив их полами, своего длинного с коротким рукавом, халата, да неспешно принялась вытирать руки о пристроенный на талии передник. Обычный такой, в виде прямоугольника закрепленного на поясе, красного с двумя синими узкими полосами по кромке.

Бабушка всегда была чистюлей, и это наблюдалось не только в ее образе, постиранном халатике, носочках, платке или переднике, но и шуршащих накрахмаленных на окнах занавесочках, переливающихся кастрюльках и поблескивающим деревянном полу в доме. Также чисто было и у нее на огороде, во дворе и даже курятнике, где куры точно подчиняясь единому распорядку жизни Веры Ивановны, неслись стабильно в плетеные ивовые корзины. Бабушка любила труд, поэтому сажала на делянушке много овощей и корнеплодов, готовила от души, видимо так и не успев привыкнуть, что теперь вся ее семья это вислоухий, черный пес Пират, да трехцветная кошка Муся. Были у бабы Веры, конечно, и куры, гусь с гусыней и пятью гусятами, и даже молоденькая козочка Аська. Коими она ровно пыталась заместить умершего мужа и выросших, покинувших ее сыновей. Поэтому и Пират, и Муся, и даже гусь с гусыней смотрелись толстыми, едва передвигающими ноги, ленивыми и, пожалуй, что беспечными.

– Искупаться ужоль можно, а бережочек речной дык ладненько выстлан песочком, нарочно дабы на нем желалось полёжать, – дополнила свое предложение Вера Ивановна и малешенькие крупинки почвы, смахнутые материей передника с ее крупных пальцев и ладоней обоих рук, улетели вниз.

– Скучно одному купаться, – недовольно отозвался Пашка, и искривил губы, плотные, нежно-алые, потому как очень сильно раздражался, когда бабушка звала его «Панькой». Словно обращалась к девчонке. Впрочем, о своем недовольстве мальчик не решался сказать, все еще побаиваясь той самой скалки по горбу, потому лишь кривил губы или закатывал глаза.

– Ну, тады мене пособи, Панька. Понадоба буряк прорвать, – произнесла Вера Ивановна, едва качнув головой в сторону грядки. Она, естественно понимала, что мальчонке, привыкшему к городскому шуму, толкотне и тому самому непонятному компьютеру, очутившись в тиши деревни, было непривычно, потому старалась хоть как-то его занять... Вот хотя бы трудом...

Павлик дернул вслед движения головы бабушки взгляд вправо, увидев мелкие пучки листочков, немного покрасневших на кончиках, и тягостно вздрогнул, кажется, всеми частями тела зараз, а по спине его сверху вниз пробежали крупные, колючие мурашки. Да с тем же ужасающим потрясением проскользнул взором по длине всей грядки, кажется, подныривающей под штaketник, где-то, ну, очень... очень далеко.

– Нет, – торопливо отозвался мальчик и качнул отрицательно головой, понимая, что прорывать тот самый непонятный буряк на грядке еще страшнее, чем тосковать по Дракину-Непобедимому. – Пойду читать, там так много задали, – дополнил Пашка, и, не дожидаясь согласия бабушки, поспешно развернувшись, шагнул по деревянному настилу дорожки вперед.

– И то славно, – сказала в след ему Вера Ивановна, в душе радуясь, что внук гостит у нее, и наполняет ее сердце и дом радостью. – Я днесь прорву буряк и прихаживаю, да мы с тобой покушаем.

– Ок, – дыхнул в сторону баба Веры мальчишка, даже не оборачиваясь и успокаивая себя тем, что его не заставили работать на таком солнцепеке.

Павлик, впрочем, шагал не торопливо. Между делянушкой и домом бабушки проходила широкая полоса, где по правую сторону росли деревья яблони, вишни, черемухи (посаженных на небольшом удалении, а потому все время придерживающихся кончиками веток друг друга), и стояло несколько столбов врытых в землю. Между столбами была натянута веревка, нарочно приспособленная для сушки белья, где уже висели вещи Паши, так как Вера Ивановна поутру перестирала все привезенное белье внука. Слева же, словно напротив сада, в ряд находились хозяйственные постройки, с проживающими в них курами, гусями и козой. Отдельные, небольшие деревянные постройки, которых были крыты тесом, а проще говоря, досками. Однако так как крышу на этих строениях делали уже давно, широкие доски на ней наблюдаемо покоробились, а местами и усохли. Впрочем, в свой срок, выложенные в два ряда они хоть и выгибались горбом, удерживали от протекания и попадания воды внутрь строения. К каждой

из тех отдельных построек, уже из сетки рабицы с квадратными ячейками, были пригорожены выгулы для кур, гусей, и козы Аси. Козу, однако, бабушка намеревалась позднее водить на луг, что простирался сразу за ее огородом, но пока она была маленькой и гойдала (как говорила Вера Ивановна) по тому самому выгулу. Завершались эти хозяйственные постройки стоящей отдельно от них баней, и вовсе кривенькой, сложенной из рубленых брёвен, с одним оконцем и узкой, низкой дверцей, про которую бабушка говорила, что в ней парятся по черному, как всегда непонятно для Пашки.

Ключевое же место этого большого двора занимал дом. Задняя стена, которого, граничила с хозяйственными постройками, находящимся под навесом дровником с одной стороны, и садом с другой. Дом был удивительным, еще и потому как вышел из позапрошлого века, назывался срубом и был собран из обработанных рубленых бревен. Его еще называли пятистенка, то есть старая деревенская изба, оная помимо основных четырех несущих стен имела пятую, разгораживающую внутри дом бревенчатой перегородкой. В доме бабушки имелись холодные сенцы с клетью и две большие комнаты, да здоровущая печка, изготовленная на старый лад, на которой можно было не только готовить, но и спать. Хотя, сейчас Вера Ивановна готовила на электрической плите, которую ей привез кто-то из сыновей, то ли дядя Гриша, то ли дядя Сергей.

Вход в сруб вместе с прилегающим к нему небольшим крыльцом располагался со стороны улицы, там, на нешироком дворе справа примостилась будка, где на цепке сидел Пират, а слева стоял не менее старый колодец. И тут, словно вышедший из прошлого века... а может и позапрошлого, с установленным срубом из деревянного бруса, тесовой крышей водруженной на вертикальные столбы, защищающей колодец от дождя и снега. Имелся на колодце и ворот, используемый для накручивания цепи, на которую в свою очередь вешалось металлическое ведро. Самое интересное, что сруб длился и в самом колодце, и стены его там смотрелись не вертикальными, а вроде как скошенными, формируя нечто в виде пирамиды.

Пашка, не торопливо вышагивая по деревянному настилу дорожки, направился к дому. Намереваясь присесть на скамейку, которая как раз опиралась на стенку сруба, в свою очередь, проходящую вдоль сада. Сама лавочка, словно привалившись к дому, была низкой с широким сидением, и без спинки. И заслоняемая, растущей в нескольких метрах, большущей яблоней антоновкой с развесистой кроной, находилась все время в тени. Дерево также прикрывало и стену дома от солнца, сейчас в конце мая обратившего свои яркие желтые лучи на двор и огород. Яблоня была старой, поэтому поскрипывая ветвями, словно встряхивала зелеными листочками и маленькими плодами.

Мальчик подойдя к скамейке все с тем же недовольством взглянул на лежащую на ней книжку, где на черной обложке белыми призывающими буквами читалось: «А. С. Пушкин. Дубровский». С очевидным раздражением подумав, что тому самому Пушкину видимо не чем было заняться, раз он писал такую нудность, да еще и с таким неподъемным количеством страниц... Павлик так думал, совсем не, потому что ему не нравились произведения Пушкина, а так как он вовсе не любил читать. И всякий раз гневно взирая на сказку, рассказ, повесть, роман (даже малый его отрывок) тяжело вздыхал, почасту ругаясь на самих бездельников авторов, которые могли бы приложить свои силы к чему-то иному, а не к бесполезному, ненужному складыванию букв, слогов, слов в предложения и тексты...

Пашка ведь был обычным современным мальчишкой, предпочитавшим чтению и занятию спортом увлекательные компьютерные игры. По этой причине он выглядел не высоким и худеньким, с тонкими ручками, которые, словно не подчиняясь ему, мотылялись из стороны в сторону. Он и сам-то весь смотрелся каким-то неустойчивым, покачиваясь так, будто его плохо держали такие же тонкие, длинные ноги. Притом мальчик слегка сутулился, в чем его папа подозревал начинающийся сколиоз (развивающийся, однако не вследствие учебы). Светло-русый, подстриженный под полубокс, Павлик имел каплеобразное лицо с впалыми

щечками и выступающими скулами, широкий нос и глубокие серые глаза, с легкой сквозящей в них голубизной, точно отражающейся от лучей солнца. Белая кожа Паши не имела какой-либо смуглости, даже на руках, так как он тяжелее ложки и вовсе ничего за свою жизнь не держал в руках, а к труду всегда относился с недовольством. Видно, по этой причине и сейчас был одет в серые бермуды до колен, белую футболку, а на ноги (несмотря на жаркость дня) натянул короткие носки и обул мокасины.

Пашка, достигнув скамейки, какое-то время неподвижно стоял над ней, в упор, разглядывая книгу, словно гипнотизируя ее. Наконец, он сделал над собой усилие и присев на лавочку, прислонил затылок к стене дома, да протянув руку, все-таки, взял в нее книжку. Впрочем, уже в следующий момент опустил ее себе на колени, да в голос тягостно выдохнул, вспоминая оставленную дома компьютерную игру «Блакрум» в которую так и не доиграл, проронив уже вслух, даже и не надеясь, что его услышат:

– Ах, папа, я тут умру от тоски...

– Ужель никто тебе таковой ласковой доли не сподобит, – внезапно раздался, где-то совсем близко голосок. Тоненький, такой, наполненный еще большей печалью, чем ранее прозвучавшая в голосе мальчика. Верно от того, что просквозившие слова были переполнены грустью, а может даже и горем, Пашка ощутил их на собственной спине, так как под трикотажной, белой футболкой сверху вниз по коже пробежали вереницей крупные мурашки. А потом и вовсе неожиданно пронеслось прискорбное ух... ух... ух, словно поддерживающее испуганное у...у...у выдохнутое мальчиком, и тот же тонюсенький голосок спросил:

– Чай, красен бархат во земле горит?

– Что? – переспросил Павлик, толком и не зная к кому обращать вопрос, так как во дворе никого не было. Впрочем, действуя не осознанно, он повернул голову в сторону, откуда и долетал голос, да к своему удивлению увидел маленького человечка, схожего со старичком. Пожалуй, что ростом не большего чем Пашкина рука, и больно худого, покрытого беленькой короткой шерсткой, которая чуточку курчавилась. У человечка и лицо, и ручки поросли той самой шерсткой, она покрывала даже лоб, щеки, нос, впрочем, даже сквозь нее просматривалась такая же белая кожа, впалые щеки, выступающие скулы, широкий нос и даже мелкие морщинки возле уголков глаз и на лбу. Густыми и длинными были волосы у старичка, лежащие на плечах спутанными завитками. Мягкая и окладистая борода дотягивалась до пояса, там перебиваясь с не менее длинными усами, заплетенными на кончиках в косицы. Одетый в красную рубаху (словно вышедшую с позапрошлого века и называемую косоворотка) навыпуск с длинным рукавом и стоячим воротом (застегивающимся сбоку на большую медную пуговицу), да широкие серые штаны, собранные в сборку у голенища, старичок был подпоясан ярко-синим шнуром с кистями на концах.

Он сидел на лавочке, свесив вниз свои маленькие не обутые ножки, стопы которых покрывала густая беленькая шерстка, помахивая ими вперед-назад.

– Толкую, чё красен бархат во земле горит, – вновь повторил старичок, то ли спросив, то ли уже и не надеясь, что его поймут.

– Ты кто? – едва выдавил очередной вопрос Пашка и весь, прямо-таки, вздрогнул, оно как до сего момента никогда не видел таких маленьких людей, если не считать того, что встречал их в играх, фильмах и мультиках.

Если бы мальчик любил читать, он бы знал, что этот разноцветный мир наполнен всякими чудесами и даль его не смыкается экраном монитора. А стелется она через луг в ближайший лесок, где перемеживается дубравами и березниками, оглаживает голубую водицу озера, касается темно-зеленой полосы болот, пробирается среди горных гряд, да плещется в темно-синем океане... А после движется по кругу виляя по каменным склонам горных массивов, сквозит по мшистым кочкам трясины, ныряет в водоемы, пробирается по чернолесью и краснолесью, да колышется в травах левад.

Но Павлик был занят лишь компьютерными играми и в той виртуальной реальности пропускал удивительные события собственной жизни, своего края, и самой Земли, всего того, что испокон века жило рядом с русскими людьми, с его предками и величалось – чудесами!

– Я-то, – удивленно протянул в ответ старичок и протяжно вздохнул, точно вопрос мальчика его огорчил. – Доброжил я, Домовой, Суседко, Сам, Доброхот, Кормилец, Дедушка, Батан, кто як мене величает. В сем обаче краю чаще кличут Батанушко. Значица – Батанушко я. Домашним духом выступаю. Незримый хозяин избы, хранитель очага и помощник семьи считаюсь. Токмо в нонешнем моем состоянии никой я не хозяин... дык тока, одно толкование. Тык чё касаемо красна бархата во земле кый горит? – вновь спросил домашний дух, сопроводив свою речь множественными вздохами.

– Ты, что загадываешь загадку мне? – протянул Пашка, с трудом переосмысливая не только прозвучавший вопрос домового, но и выданную им информацию про себя, как хозяина дома. Впрочем, уже в следующую минуту, Батанушко перестал покачивать ножками, а поджав правую из них, пристроил ее на лавочку, да принялся чесать также густо поросшую подошву на ней ногтями. Даже не чесать, а скребсти. И Павлику внезапно почудилось, что нет никакого духа, а это всего лишь розыгрыш, или галлюцинация вызванная жарой, или отсутствием его любимых игр. А домовый также резко перестав скребсти ногу, вскинул указательный палец правой руки к ноздре да резко хмыкнул, выстрелив из нее зеленой соплей, которая упав на деревянный настил дорожки, застыла на ней вроде переливающегося осколка стекла.

– А чаво-сь не ясно чё ли гутарю, – ответил теперь уже на сам вопрос мальчишки домашний дух, пристраивая палец к левой ноздре, вероятно, намереваясь и из нее выдуть не меньшую соплю. – Не ясно чё ли по тону молвленного, чаво то загыдка звучит? Настрой слух свой, Пашка, дабы от тебе не ускользали оттенки мною сказанного, дабы ты осилил мои головоломки, – Батанушко так и не дунув из левой ноздри ничего, перевел взгляд на мальчика, при этом немножко, чтобы его хорошо видеть приподнял и саму голову. И тотчас в его карих радужках, тарасившихся из-под мохнатых бровей, блеснула, прокатившись по кругу, серебристая изморозь, точно желающая сменить сам цвет, также стремительно вошедшая в тонкую полоску белка, и затерявшаяся в белых волосках или ресничках окружающих глазницы.

Легкий ветерок просквозивший в воздухе качнул ветви дерева сильнее и они не просто закрипели, а будто застонали, или может это вновь прискорбно ухнул дух, Пашка того не понял. Так как дуновение с не меньшей порывистостью колыхнуло не только русые его волосы, но и беленькие Батанушки, опять же шевельнув мягкую, окладистую бороду домового и косички, заплетенные на концах длинных усов. А потом внезапно сверху, очевидно, сброшенные с веток антоновки, прилетели, упав под подошвы мокасин мальчишки маленькие, и точно пожатые, зеленые яблочки.

– Я не очень люблю разгадывать загадки и головоломки. Люблю играть в компьютерные игры, – негромко протянул Павлик и также легонечко, как до этого дул ветерок, мотнул головой, все больше стараясь развеять, как ему кажущуюся галлюцинацию в виде домового. Однако так как и после того покачивания головы Батанушко продолжал находиться на прежнем месте, в упор глядя на него карими глазами, Пашка подняв от книги правую руку и выставив указательный палец вперед, направил его в сторону духа. Домовой между тем от движения руки мальчика не отклонился, а резво подавшись вверх, уткнулся собственным волосатым лбом в подушечку пальца, тотчас тихонечко захихикав, ровно радуясь чему. А немного погодя, все также, продолжая мешать смех да слова, произнес:

– Ну, здрав... Здрав будь... Вотде дык молвить, и обзнакомились значица. Батанушко, – видимо, таким образом, и снова представляясь. Дух теперь сместил собственный палец с левой ноздри вверх и ухватился в свою очередь за палец мальчишки, обхватив его не менее волосатой ладошкой.

– Энто у те самы любишь играть, иде вот тык? – дополнил свою речь вопросом и еще большим хихиканьем Батанушко, и стремительно скинув со лба палец мальчугана, да выпустив его из собственной хватки и вовсе скоро вскочил на ножки. Он быстро взмахнул обеими руками, ровно выхватывая, что-то из-за спины и направил это, что-то, на Пашку. Так, что последнему в сиянии редких просачивающихся через ветви и листву дерева солнечных лучей показалось хозяин дома, навел на него золотистые клинки мечей. И также ярко сверкнули карие очи Батанушки, которые в сочетании с тонюсеньким его хихиканьем нагнали на мальчика особое волнение. И тот неожиданно для себя вспомнил, что когда-то и где-то читал про духов, которых относили авторы тех книжек к злой нечисти, приносящей людям лишь беды и неприятности.

Впрочем, стоило этому воспоминанию пронестись в его голове, а Павлику торопливо дернуть ранее выставленную руку к груди и самому отклониться назад, как Батанушко, прямо-таки, весь сник, перестав хихикать. Он как-то обреченно уронил вниз свои маленькие ручки, в каковых ничего подобного мечу-то и не оказалось, а блеснули лишь тонкие полосы солнечных лучей, точно ранее выловленных из воздуха. Хозяин дома свесил голову, подоткнув подбородком свою окладистую, мягкую бороду к груди и материи косоворотки, да обидчиво протянул:

– У то усё враки... Никоим побытом нельзя духов причислять к нечисти... Зловредной, а иноредь и враждебной... А касаемо загадки, тык яснее ясного толковал я о буряке. Дык ее в энтот крае кличут, а в инаковых, небось, больше величают свеклой.

Домашний дух как-то разом свернул свои пояснения, и вновь вернув взгляд в направлении мальчика, улыбнулся, да так широко, показав не только свои тонюсенькие, и как оказалось розовые губки, но и узенькие, острые зубки, теперь став похожим на вампира, с которым Дракину приходилось не раз биться в Блакруме. Потому Пашку словно ударила по макушке головы догадка, что этот Батанушко не галлюцинация, а тот самый вампир, желающий заговорить ему зубы, отвлечь, так сказать, чтобы потом выпить всю его кровь.

– Чу, тобя, – домовой это проронил со слышимым раздражением, согнав с лица улыбку, и покрыв его множеством мельчайших морщинок, которые избородили вдоль и поперек не только лоб, но и щеки, местами даже поглотив в себя волоски. Хозяин дома медленно опустился на скамейку, вновь на нее усевшись, упер ручки в деревянное сидение, и так тягостно вздохнул, что кожа на спине Павлика ощутимо похолодела, будто на нее плеснули ледяной воды, притом не задев материю футболки.

– Живу я не первый век со твоими предками. Ну, тамка, со дедами, прадедами и прапрадедами, – грусть теперь напомнила и тоненький голос Батанушки, который стал даже немножечко дрожать. – И дык вотка мене горько, чё ты не признал во мене того, ктой тебе на руках носил... Деда Лександра твою, – домашний дух резко дернул взгляд на мальчика и тот сразу охнул и впрямь угадав в чертах лица последнего (даже такого морщинистого) умершего два года назад дедушку Саши.

– Как так? – чуть слышно шепнул Пашка и губы его чуть заметно затрепетали, а в глубоких серых глазах перекатились крупные слезинки. Хозяин дома слышимо хмыкнул носом, кажись, подбирая забродившие в них сопли, даже чуточку показавшиеся из левой ноздри зелено-переливающейся верхушкой, и с той же грустью в голосе продолжил пояснять:

– Я ж домашний дух, Доброжил я, Домовой, Суседко, Сам, Доброхот, Кормилец, Дедушка, Батан, Батанушко, кто як мене величает. Незримый хозяин избы, хранитель очага и помощник семьи считаюсь. Поелику образом своим похож на старшего мужа, хозяина семьи и избы, а значица на твою деда Лександра. Ужоль-ка я тебе сей сиг покажу означение власти хозяина дома, дабы ты скумекал о чем я толкую, – дополнил домовой и прыжком вскочил на скамейку на ноги, при этом созерцаемо выгнув спину и вроде как мурлыкнув, так как это делала бабушкина Муся. Батанушко торопливо оправил на себе длинную косоворотку, чей подол дотягивался до колен, и принялся размеренно ощупывать свой ярко-синий шнур с кистями на концах, огибающий талию. Он медленно, но, верно, исследовал сам шнурок, уди-

вительно так для мальчика, поворачивая его по кругу, маленькими серыми ноготками прочесал кисти. А после, склонив голову со всем вниманием, оглядел себя, в этот раз, впрочем, не только шнур, повязанный поверх рубашки, но и ее саму, и штаны-шаровары. Он даже развернулся вправо-влево перепроверя нет ли того самого «означения власти» позади, и в ту же самую секунду, переведя взгляд на Пашку, широко раскрыв рот, в голос, закричал:

– Охти-ахти! ахаханьки! беда-бедовая! Горе горедушное!

– Потерял? – испуганно вскрикнул мальчишка, сопереживая духу, и принялся теперь уже сам осматривать скамейку и землю под ней в поисках непонятного «означения власти».

– Нетути... нетути, – плаксиво заголосил Батанушко, при этом расправляя ранее заложженные на лице морщинки, и пустив из глаз потоки слез на шерстку, особенно увлажняя при этом ее на щеках. Еще чуточку и сконцентрировавшиеся на кончиках волосков крупинки слез схлынули обильным потоком вниз, теперь напитав влагой и саму бороду, и усы, обрызгав даже материю косоворотки на груди. Дух, также моментально перестав рыдать, сдержал на всхлипе и потоки слез, да глянув на Пашу всего только правым глазом (вроде, как и вовсе просохшем) чуть слышно, ровно его кто мог поймать на вранье, или чем еще хуже, сказал:

– Не-а не потерял, не пужайся. Попозжа усе растолкую, – и тотчас взрыдал еще сильней, пустив потоки слез из глаз на щеки и не меньшими струями сопляков выстрелил из обеих ноздрей так, что они повисли на волосках бороды, принявшись покачиваться вправо-влево и вместе с тем поблескивать в редких лучах солнышка. Впрочем, уже в следующий отрезок времени пронзительное чириканье воробьев и прежде наполнявшее этот край, не только деревню или двор, сосредоточилось, кажется, лишь на ветках яблони. Их небольшие тела сверху коричневатые, а снизу серые, пожалуй, перемешались с зеленью листвы и плодов, а пронзительное «джив-джив-джив» переплелось с резкими «чир-чирр», будто птички не меньше чем сам Павлик струсили, заслышав такие громкие рыдания домашнего духа.

Да только Батанушко заливался соплями и слезами не долго. И стоило воробьям переполнить ветки яблони, да своим чириканьем словно создать гудящую какофонию, как домовый зараз свернув изливания, да шмыгнув носом (а с тем вогнав обратно в ноздри показавшиеся верхушки сопель) вскинул голову, и, устремив взгляд на крону яблони, сурово протянул:

– Кыш, отсель... Налетели тутова... Воробей, оно и значаца чё вора бей, – с очевидностью сказывая это в направлении ближайшей к нему и вовсе коричневой птицы. Может потому, как произнесенное оказалось обидным, воробей внезапно пронзительно затикал, а потом, спрыгнув с ветки, да расправив крылья, направил свой полет в сторону духа. Птица сделала над головой Батанушки небольшой круг и к удивлению мальчика прицельно какнула на него. И вылетевшая из воробья серо-белая струя, моментально преодолев промежуток до домового, попала тому прямо на густую бороду, да сразу просочившись через волоски, вероятно, напитала собой материю рубахи. Дух, однако, не стал смахивать птичий помет с бороды или рубахи. Он лишь торопливо вскинул вверх обе ручонки, да сжав кулачки, яростно ими потряс, будто желая дотянуться до улетающего воробья или тех которые все еще сидели на ветках деревьев. Хотя не первое, ни второе ему не удалось. Потому как уже в следующую секунду и остальные птицы, до тех пор вроде как примолкшие или затаившиеся в наблюдении действий своего старшего, срыву сорвавшись с ветвей и расправив крылья, понеслись в сторону домового, принявшись также прицельно стрелять в него пометом, метаясь только в него и, прямо-таки, в голову. Да только Батанушко, видимо, и сам был не промах, да раскрыв ранее сомкнутые в кулаки ручки, стал не то, чтобы ловить, а именно отбивать летящие в него серо-белые струи помета, отправляя их очень даже метко в обратный путь. Поэтому вдогон улетающих воробьев несли их помет, попадая им в те самые места, откуда он ранее и выскочил. Верно, по этой причине, бомбардировка духа завершилась также мгновенно, как и началась, а воробьи, громко чирикавая, покинули не только яблоню, но, пожалуй, что и сам двор бабушки, заглушив собственные переговоры и оставив фоном лишь одинокую и однотипную трель «чьеер-чер-черр».

Батанушко победно потряс руками, продолжая показывать волосатые ладошки темно-голубому небу, сегодня удивительно так переливающимся (будто начищенная Верой Ивановной кастрюлька), и с ощутимым осуждением, теперь уже, определенно, обращаясь к мальцу, сказал:

– Ужоль-ка никыего почтения ко мене... А усе понеже отобрали у мене сие «означение власти», – домашний дух прервал пояснения и рывком качнул головой в сторону стены дома, одновременно, опуская вниз руки. И Павлик весь тот срок с широко открытым ртом и выпученными глазами наблюдающий за поединком птиц и домового, торопливо оглянулся всего только, и, увидев позади, что деревянные бревна в пазах, между которыми проглядывало грубое, спутанное серое волокно. Потому как сзади ничего интересного не было, мальчик сразу вернул голову и взгляд обратно, снова уставившись на духа.

– Дед твой Лександр кады помер... дык и усе. Пришлось мене усю власть вотдать моей супружнице... Жинке значица, Волосатке. Обаче ее по-разному кличут и Домовушка, и Домовиха, но у наших краях наичаще Волосатка. А она таковая оказалась воркотунья, да ни як ни уймется, да усе веремечко брюзжит... брюзжит. Батанушко тудака, вода убегла... Батанушко сюдытка, мыши в подполе. Наипаче мене измотала. Небось, слышишь, як наново верещит? – дополнил свою речь вопросом домового и снова кивнул в сторону сруба. Пашка, впрочем, не стал оборачиваться, и так понимая, что ничего нового кроме стены и пакли вставленной в пазы между бревен не увидит. Однако вместе с тем внезапно услышал раскатистый окрик, точно прилетевший с дялянушки:

– Панька!

– Это бабушка меня зовет, – ответил мальчик, едва поведя взором в направлении доле-тевшего зова. Хотя, когда он снова воззрился на домового, увидел особым образом появившееся на лице последнего недоумение. Вновь заложившиеся мелкие морщинки на щеках духа приподняли вверх собранные в пучки шерстинки, словно они там напитавшись слезами и соп-ляками только и могли, что смотреться закрученными в отдельные узелки.

– Кака баушка? – теперь недоумение сопровождалось и самим вопросом. По-видимому, оттого, что Батанушко был озадачен сказанным Пашкой, он внезапно и очень сильно топнул правой ножкой по поверхности скамейки, вызвав из-под подошвы россыпь мельчайших, лазурных искорок. Эти пусть и не огненные, но дюже яркие брызги света, разлетевшись в разные стороны, осыпались не только на правую руку мальчугана, прижимающую книгу, но и покрыли саму материю бермуд, на которых она лежала. Все это происходило так быстро, пожалуй, что быстрее, чем стрельба воробьиного помета, чай, поэтому Павлик сразу и не сообразил, как сама обложка, а вслед нее и ткань бермуд зачались ярким огнем, все таким же голубо-лазурным. Широкие и высокие его лепестки, кажется, перекинулись и на руки мальчишки и на кожу ног, вызвав ужас, каковой в свою очередь выплеснулся громким криком. Пашка поспешно скинул вниз на деревянный настил дорожки книжку, и, вскочив со скамейки, принялся хлопать по лепесткам огня ладошками, желая сбить с себя пламя.

Да только он зря тревожился.

Потому что стоило ему только подняться на ноги и пройти ладонями по материи бермуд, как и сама ткань, и упавшая вниз книга махом потухли, притом не оставив на себе, или своей поверхности и малейшего намека на ранее произошедшее с ними возгорание.

– Вох! – смыкая рот, и собственный вопль ужаса, протянул Павлик, и резко развернувшись теперь лицом к скамейке и стоящему на ней духу, сердито на него посмотрел. А тот, словно радуясь всему произошедшему, распрямив и малые морщинки на лице, даже те которые пролегли по лбу, широко улыбнувшись и показав свои узенькие, острые зубы да чуть слышно хихикнув, произнес:

– Ужоль-ка вельми ты гулко вопишь, аки прям плюгавка...

– Сам ты плюгавка, – обидчиво дыхнул Пашка, не любивший когда над ним потешались или обзывали дрянными словами, как говорится и сам всегда умеющий ответить.

– Батанушко! Батанушко! – внезапно послышался тоненький зов, словно долетевший с улицы.

– У то я николече не могу быть плюгавкой, абы дух, – проронил прерывисто хозяин дома и нервно дернул голову вниз и вперед, точно намереваясь кого ею боднуть. – Абы плюгавка то значица мышь... А кака я тебе мышь... Я ж домашний дух, Доброжил я, Домовой, Суседко, Сам, Доброхот, Кормилец, Дедушка, Батан, Батанушко, кто як мене величает. Незримый хозяин избы, хранитель очага и помощник семьи.

– Ты говоришь, так, что порой я тебя не понимаю, – сразу переставая сердиться, сказал Паша, а все потому как был очень рад познакомиться с духом. – Я ничего не понимаю... Не понимаю, о чем ты говоришь, что хочешь. Словно и не по-русски говоришь.

– Сие я не по-русски, – с особой обидой своего тоненького голоса проговорил Батанушко. И до того он если бодал воздух собственным теменем, то теперь сразу вздел голову и уставившись на Павлика изогнул нижнюю губу, кажется, ее краем дотянувшись до подбородка. Еще пару секунд и нижняя губа тягостно затряслась, закачались на ней также изогнувшиеся растущие по краю волоски, и не менее дрожащим голосом домовый сказал:

– Энто ты не по-русски, не по-ненашенски гутаришь... И усё про энти игры, про Бла-рим, про того Дуракина. Усю главу бабушки пробил своим Дуракином, и руками у дык вотде машешь, кубыть кого порезать вожделеешь, – глаза домашнего духа с карими радужками переполнились слезами, и одна из капелек застряв в уголке правого, созерцаемо для мальчика качнулась вниз... Впрочем, так и не выскочив, осталась покачиваться там вниз вверх. Домовой резво взмахнул обеими руками, словно намереваясь выхватить, что-то из-за спины. – Усем духам наемдни Дуракином своим главу натер! – досказал Батанушко и голос его содрогнулся на каждом слоге, а может и букве, – аже Коргоруши ухаживали ко соседям, далее не желая тутова обитать, у дык вотде переживая твое суесловие, – завершил домовый, однако, так и не вынув ничего из-за спины.

– Батанушко! Идеи-то ты есть! Явись-появись не мешкая! – вновь раздался тонюсенький голосок, теперь ровно вышедший из земли, а может с того самого места, где теперь лежала книжка мальчика. И дух, тотчас перестав выдыхать свои обиды в сторону Пашки, смолк, однако также чудно принялся топтать обеими ножками по сидению скамейки. Он даже снова сжал кулачки и замахал ими в такт топающим ножкам, да все с той же порывистостью выплюнул изо рта длинный ярко-красный язык, будто направив его в сторону мальчишки.

– Охма! То не тебе, – проронил Батанушко, объясняя собственные поступки, и втянул внутрь рта язык. – А ей! – досказал он, и выставил вперед руку, указывая кулачком в сторону покоящейся на дорожке книге. И мальчик, следуя за рукой домового взглядом уставился на обложку, которая вместо положенных ей данных автора и названия «А. С. Пушкин. Дубровский» на сером фоне являла то ли стоящую, то ли в отношении самой книги лежащую маленькую старушечку.

Толстую и, вероятно, маленькую, покрытую мельчайшими, курчавыми волосками темно-русого цвета. Такими же темно-русыми, длинными всего только чуточкой убеленными седеной были и волосы бабуся, стянутые на макушке в шишку. Ее круглое усеянное морщинками лицо в тех волосках скрывало сами черты, хотя и с тем наблюдался костлявый с горбинкой нос, закругленный с двойной складкой подбородок, светло-алые губы, будто списанные с бабы Веры. Старушечка была одета в ярко-желтую рубашку (собранную у ворота в густую сборку да обшитую оранжевой каёмочкой) и пеструю юбку (доходящую до ступней), укрепленную на талии златистым шнурком, на которой висела серая, лохматая варежка. Бабуся в руках держала скалку, точь-в-точь, каковой Вера Ивановна раскатывала тесто, готовя пироги, и тягостно ее потрясая, как-то и вовсе истерично выкрикивала:

– Батанушко! Идеи-то ты есть! Явись-появись, не мешкая!

– Видал, – горестно выдохнул домовый, снова мотнув головой в сторону лежащей на деревянном настиле книги, – вотко она, воркотунья, супружница моя есть. Волосатка. Як твой дед почил и изба лишилась хозяина, дык она усю власть заgrabастала. И ноньмо усё...

– Что? – переспросил мальчик, пожалуй, что обманув собственным непониманием речь духа.

– Усё поколь в ентной избе не явится-появится хозяин... пушай даже таковой жалкий як ты, бытовать мене у подручных Волосатки, – горестно досказал Батанушко и вздохнул, словно подвыв своей столь тяжелой доле. Павлик, впрочем, не видел, как у домового менялось выражение лица с сердитого на обиженное. Он даже не видел, как тот дернул, все то время направленную в сторону покоящейся книге, руку к лицу и подтер сжатым кулачком собственный нос, будто смахивая оттуда выступившее сопляками огорчение. Мальчик не сводил взгляда с обложки книжки, на которой Волосатка (как ее представил дух) внезапно неподвижно замерла, перестав взывать к мужу и размахивать скалкой, вроде прислушиваясь к чему-то. Та ее обездвиженность длилась совсем недолго, однако, заметно, а закончилась также стремительно, когда она рванула со своего златистого шнура, охватывающего талию, серую варежку и кинула ее на пол. На пол, конечно, в отношении собственных ног, созерцаемо опирающихся об крашенную в коричневый тон ровную доску. И тот же миг, ровно и не долетевшая до пола на обложке книги варежка, неожиданно шелкнув, проявилась стоящей на скамейке рядышком с Батанушкой. Поэтому и Пашка опять же моментально перевел взгляд на нее, к собственному удивлению увидев не рукавичку, а маленького человечка, точнее все же духа. Ростом и впрямь не больше варежки, поросшего всклокоченной, серенькой шёрсткой. Маленькими, точно с пальчик были ручки и ножки того создания, выходявшие с плоского, и вместе с тем широкого туловища (словом и тут контуры тела повторяли рукавичку), к которому крепилась, без какой-либо шеи, шарообразная голова. Не имелось на духе какой-либо одежды, обуви, а голова словно поместилась на кромке манжеты. Круглым созерцалось и личико духа, где изпод лохматой шёрстки проступали два ярко-голубых глазика, свернутый набок толстый, чёрный, древовидный уголёк-носик и выпирающие вперед розовые губки, кажется, подведенные тем же угольком по краю.

– Ты кто? – не дожидаясь каких-либо пояснений, спросил Павлик, увидев, как точно выкатились вперед голубенькие глазки вновь прибывшего духа.

– Сие и есть «означение власти» хозяина, дык молвить, – ответил Батанушко, и торопливо дернул руки в сторону создания, выставляя, однако, в направлении него ладони, вроде выпрашивая той самой власти.

– Кой я тебе «означение власти», – очень тихо и словно попискивая как мышка, отозвался дух, и теперь еще шире раскрыл свои бусинки глаз. – Я, Тюха Лохматая!

– А... ну! дысь! дысь! – раскатисто произнес Батанушко, роняя руки вниз и горько вздыхая. – Права ты... Сие, Пашка, Тюха Лохматая, домашний дух, присматривающий за хозяйством, да приглядывающий за хозяйскими чадами. А дык усё ж «означение власти», абы прислуживает доколь супружнице моей, Волосатке.

Во время этой довольно короткой речи домовый почасту сжимал и разжимал кулаки на ручках, иногда пытаясь их вскинуть в направлении книги, но всякий раз стремительно прерывал то движение, при этом гулко хмыкая носом, ровно разболевшийся. Тюха Лохматая, лишь ее представил мальчику Батанушко, вернула своим глазкам обыденность взгляда, уперла руки в бока (едва проглядывающие контурами), утопив в серой курчавой шерстке не менее волосатые пальчики и ладошки, да принявшись покачивать вправо-влево головой, словно желая и вовсе скатить ее с манжеты туловища, заговорила:

– Ужоль-ка Волосатка тебе задаст... Скалкой по горбу... Ужоль-ка задаст... Ты ж пошто перед мальчоночкой открылси, чай, не ведаешь, чаво такое творить предосудительно... Не можно человекам открываться, абы свою волошбу должны мы творить тишком.

– Инолды лъзя, – торопливо отозвался Батанушко, и, не мешкая, стал озираться, обозревая пространство не только позади, по бокам, но и почему-то наверху. И тотчас то самое пространство наполнилось таким оглушительным чириканьем, словно ветки яблони заполнили со всех сторон воробьи. Однако птиц тех не наблюдалось на дереве, всего только продолжало звучать их пронзительное «джив-джив-джив» да резкое «чир-чирр» и ветерок порывистым своим дуновением трепетал волосы Пашки, да косматую шерстку на обоих духах.

– Лъзя, ежели я жажду из мальчика содеять мужа. Могу тадыкась, ему проявится в ясном своем образе, – очень тихо откликнулся Батанушко, и, чтобы его услышать Павлик даже шагнул ближе к скамейке. И точно ожидая того движения стихла воробьиная какофония, хотя и продолжилось с разных мест двора и огорода долетать их торопливое беспокойное чириканье.

– Усе едино задаст Волосатка тебе, чё без спросу того содеят. Чай, ведаешь, чаво ноньмо без ее спросу ни один домашний дух ничесь не должен вершить, – допищала Тюха Лохматая, и, переведя взгляд с домового на мальчишечку неожиданно растянула свои, подведенные угольком, губы, перестав раскачивать и собственное тельце, и голову.

– Так вас тут... в этом доме много, что ли... Не только Батанушко, Волосатка и Тюха Лохматая? – спросил Пашка, задавая вопрос обоим духам, а внутри, прямо-таки, ликуя, что домовый проявился ему в ясном образе.

Может потому что и сам мальчик засиял широкой улыбкой, а глаза его ярко блеснули, так как это порой случалось, когда он в компьютерной игре замещал Дракина, на его вопрос отозвалась Тюха Лохматая, приглядывающая за детьми и больно их любящая:

– И не токмо в избе, во дворе, но и окрест, – она теперь развела свои маленькие ручки в стороны, точно желая ими обнять этот раздольный край, – окрест нас много. И живем мы у каждом срубе, овине, амбаре, сараюшке, у гае и елани, у реченьке да озерце. Бережем мы сей край и усё чё тутова бытует. Бережем усю раздольную матушку Русь, – с особой теплотой протянула последние слова Тюха Лохматая, сказывая о единой для них всех Родине, не только для Павлика, но и, как, оказалось, для самих духов.

– Батанушко! Панька! – снова послышался зов, теперь прилетевший с разных сторон, и закруживший возле скамейки. И немедля обложка на книжке вновь зачалась огнем, только зеленоватым. Долгие лепестки пламени, пройдясь по всей поверхности книги, словно схлынули вниз, моментально впитавшись в деревянный настил, на оном она лежала. Вместе с тем обугливая саму обложку до черного цвета и изображая на его фоне белыми буквами данные автора и ее название: «А. С. Пушкин. Дубровский».

– Шустрей! Бяжим! – пискляво крикнула Тюха Лохматая и резко прыгнув вверх, будто всосала голову, ручки и ножки в собственное туловище, в следующую секунду плюхнувшись на сиденье скамейки обычной серой vareжкой.

– До срачи! Баушки токмо про нас не гутарь! – не менее гулко дыхнул Батанушко, и срыву шагнув вперед, подхватив с лавки рукавичку, ровно нырнул собственной головой в стену дома, пройдя как раз между деревянными бревнами, блеснув пяткой поросшей курчавыми белыми волосками посреди серого волокна, уткнутого в паз. Оставляя мальчика и вовсе в невероятном волнении.

– Панька, – раздалось совсем близко, и тотчас выворачивая из-за дома, нарисовалась всей своей крупной фигурой Вера Ивановна, видимо, шедшая из курятника, так как несла в руках небольшую корзинку полную куриных яиц. – Щас мы с тобой на сальце пожарим яички, дюже будять вкусно, – досказала бабушка, легонечко качнув корзинку, а вместе с тем вроде встряхнув яйца. Взгляд ее с нежностью огладил внука с головы до ног, и также медленно сместился

в сторону покоящейся на дорожке книжки. Теперь лоб Веры Ивановны покрылся изрядным количеством морщин, так как она приподняла вверх свои тонкие, темно-русые брови, а сам взор посуровел, поэтому она стала похожа на супружницу домового Волосатку.

– Глянь-ка, – с тем же недовольством протянула баба Вера, качнув из стороны в сторону головой и, кажется, всем телом. – Книжицу на оземь бросил... Ужоль-ка, один у тебя, Панька, Дуракин на уме, да, и, тока.

Конец первой истории.

г. Краснодар, август 2017г.

История вторая. Икота

Пашка, широко зевнув, поежился. Эта ночная свежесть, в конце мая царящая кругом, ровно сыпала с небосвода малую капель дождя или только растеряла часть звезд. Они здесь, в деревне столь плотно укрывали небеса и, кажется, нависали так низко, что стоило поднять руку и удалось бы ноготком указательного пальца скovyрнуть ближайшиe из них, мерцающие не только серебристым, голубым, но и зеленым, красным светом. Мальчик впервые, наверно, так осмысленно смотрел в небо, любуясь этим безмерным, фиолетовым ковром с бисерным рисунком созвездий, где удаленно рассыпанных, а где собранных в плотные скопления. Павлик был сейчас поражен не только этой далью неба, но и витающими кругом него нежными ароматами, словно перемешавшими медовую сладость цветущего луга, с кисло-пряным запахом копаной земли, прилипшей к дощечке деревянной дорожки, сдвинутой в сторону в шаге от крыльца.

Мальчик все пока переживал свою удивительную встречу с Батанушкой и Тюхой Лохматой. Он и оставшийся день, находясь в волнении и вопреки указанию домового ничего не говорить о нем бабушке, интересовался духами. Пытаясь даже не столько рассказать о том, чему стал очевидцем, сколько выведать, что Вера Ивановна знает о них.

И, естественно, баба Вера радуясь любопытству внука, охотно говорила о духах:

– Завсегда за людьми приглядывали духи: хозяйева гая, пожни, рек и жилищ. Чай, самыми важными из них значутся домовые духи: Батанушко, хозяином дома и помощник семьи, да супружница егойна, Волосатка. Пособляет и печется она о порядке, дуже перьживая о приплоде птицы и скотинки. Да усе, по доброте своей тшится пособить хозяйке, радеет о ней, оберегает от растраты. А ночами, ужоль дык ею любуясь, плетет на главе той косички. Тонки, аки перста наплетет, уложит ровнешенько и радуется, дык вотка ее украсила. Помощницей Волосатки выступает Мокруха, сей дух любит опять же ночью прясть, опосля себя воставляя мокро место. Жавет у доме ащё Запечник, приглядывающий за пещью, да Клетник, кый хлопчет за вещинами хранящимися во клетки. Ащё есть таковой дух, як Лизун. У то малешенький дух, ровно старичок. Вылизывает грязну посуду в нощи, ежели хозяйка забыла прибирать, больно тады ей тарахтит Лизун. Мол, гутаря, ужоль-ка в инаковый раз не забудь прибраться. Добрые, рачительные, домашние духи приглядывают за хозяйством, жилищем, скотинкой, да ребятушками, а дабы они не злились, понадоба не свершать скверных поступков. И яснее-ясного надобно их почасту угощать, задабривать чем-нить лакомым.

Рассказывала о том бабушка с нежностью, величала имена духов с особым почтением, легонечко притом покачивая головой, словно воспоминала о близких людях, которые уже не первый год живут рядом, помогая заботиться о жилище. Впрочем, она не поверила мальчику, когда тот рассказала о встрече с Батанушкой:

– Того не может быть Панька, – добавила она вымешивая в низкой деревянной кадке белое пышное тесто, и зелено-карие ее глаза словно слегка присыпанные мукой улыбались, также как и сами светло-алые губы. – Абы не должен дух являться людям, то вроде як предосудительно, да и дел у домашних духов завсегда много, не кады его попусту тратить. То тебе токмо почудилось, чё домовой прихаживал. Абы в явном своем образе он николи не покажется. Может тока явится в образе кота, серого али черного, да и то в нощи плотной.

Сейчас мальчик, выйдя из дома лишь для того, чтобы сходить в туалет и замерев на последней ступени крыльца, вглядываясь в ночное небо, обдумывал не только сами слова бабушки, но и появление Батанушки. Все больше приходя к мнению, что приход духов, верно, только ему показался, на вроде галлюцинации. Сама же глубокая ночь с властвующей в ней какой-то особой тишиной пугала его. Павлик вырос в городе, где шум и суeta не прекращались даже ночью и звучали безостановочным фоном. Поэтому в любое время суток, даже вот, как

сейчас глубокой ночью, можно было услышать, как живет город и люди в нем. Скрипят тугие тормоза автомобилей, воеет сирена скорой помощи, играет музыка, лают собаки и гулом доносятся голоса спорящих людей. В деревне вопреки городу было тихо.

И эта тишина поразила мальчика еще, как в первую ночь, так и вовсе последующие. Потому Пашке, чудилось, и нет никого кругом, не только внутри дома (где редкостью всхрапывала бабушка), но и снаружи, будто вымерли все на Земле, или ранее ее никто и никогда не заселял.

Впрочем, это кажущееся безмолвие было относительным и особым, потому как воспринималось только внутри жилища. Когда же Павлик вышел из дома, и, спустившись по ступенькам, сдержал шаг на последней, его поразила наполненность звуков этого края. Только особенных, необычных, не присущих городу... И слышалось мальчугану, как дребезжа поскрипывала ветвями яблоня антоновка растущая с левой стороны от дома, прикрывающая кроной одну из ее стен и скамейку под ней. А к этому скрипу примешивалось размеренное кваканье лягушек, долетающее от речки, хрустящая песня сверчков, притаившихся не только под крыльцом, но и возле колодца, собачьей будки, да грустный окрик какой-то пичуги, раскатисто выводившей «Сплю... ю!» словно укачивающей своим зовом всех людей. И вновь покачивая, шелестела ветвями высокая береза, растущая перед двором на улице, собственной кроной создающая навес будке Пирата, а стволом прижимающаяся к деревянному штaketнику, и ей вторило непрерывное пение соловья, в свою очередь звучавшее многоголосием таким же раздольным, как и сама русская земля. Соловьиные трели переплетались со щелканьем, треском и даже цирканьем. А их далекому «дью... дью» изумительно откликнулся более близкий и словно однократный посвист «фю», «хи» и даже «так... так», указывающие Паше нечего не бояться.

Хотя то самое «так... так» вместе со скрипом веток яблони и шуршанием березы тревожили Павлика еще сильнее. И тогда казалось ему, что стоит только сделать шаг, сойдя со ступени широкого крыльца, с двумя поручнями, на дорожку, как заметив данное движение немедленно из плотной темноты, приглушившей все краски и оставившей лишь контуры предметов, выскочит вампир или оборотень. Этот мрак, стоило только мальчишки подумать о тех существах, и вовсе точно обрисовал злобный оскал оборотня в листве березы, а дребезжащий скрип яблони стал выдавать за шаг вампира. И тотчас согнал и сами контуры колодца, будки и дорожки до чуть созерцаемых размытых линий.

– Голубое поле серебром убрано, – неожиданно раздался где-то совсем близко тоненький голосок, услышав который Пашка, прямо-таки, подпрыгнул на месте, громко «вохнув!» Минутой погодя осознавая, что говорит с ним, судя по голосу, не кровавый вампир только, что вывернувшийся из-за угла дома и не злобный оборотень, ранее прячущийся в листве березы, а сам Батанушко.

– Яснее ясного, – незамедлительно отозвался или, все-таки, согласился домашний дух. – Доброжил я, Домовой, Суседко, Сам, Доброхот, Кормилец, Дедушка, Батан, кто як мене величает. Домашним духом выступаю. Незримый хозяин избы, хранитель очага и помощник семьи считаюсь я, – дополнил он, вероятно, предпочитая частенько представляться.

Павлик тотчас повернул голову влево и на деревянном поручне перила увидел сидящего духа, даже в сумрачности ночи явственно созерцаемого маленьким старичком, такого не больше, чем его рука, покрытого беленькой короткой шерсткой, которая чуточку курчавилась. У Батанушки и лицо (как теперь знал Павлик имеющее черты его дедушки), и ручки, и стопы поросли той самой шерсткой. Густыми были волосы у него, лежащие на плечах спутанными завитками, мягкой и окладистой борода, дотягивающаяся до пояса, и там перевивающаяся с не менее длинными усами, заплетенными на кончиках в косицы. И сейчас одетый в красную косоворотку, широкие серые штаны, да подпоясанный ярко-синим шнуром с кистями на концах, домашний дух сидел прямо на широком поручне лицом к Пашке, и, свесив вниз свои

маленькие ножки, помахивал ими вперед-назад. Батанушко немного склонил голову на бок да став и вовсе каким-то проказливым ровно коза Аська, раскатисто произнес:

– Може оно, так-таки, пожня и не убрано, а усыпано, – говоря о чем-то и совсем не понятном для мальчика и, видимо, просто рассуждая вслух. – Голубое поле серебром усыпано, – досказал он, теперь словно поправившись.

– Ты загадку опять загадываешь? – переспросил догадливо Павлик и широко улыбнулся, так как был очень рад видеть домового, осознавать, что произошедшее с ним вчера оказалось не галлюцинацией, и в отличие от бабушки ему дух все же показался в своем явном образе.

– Агась, – довольно отозвался Батанушко, в подтверждение даже кивнул и сам улыбнулся, да опять явно так, что это было видно несмотря на серость ночи и густо покрывающие его лицо волоски усов и бороды.

– Не знаю, – незамедлительно ответил мальчуган, так как не любовь к чтению сейчас стала, как никогда явственно наблюдать даже для него, не возможностью ответить на вроде простые вопросы.

Дух сразу посуровел, согнав с лица улыбку, и свел в единую черту свои мохнатые брови. В его карих радужках, вероятно, оттого, что косматые брови так явно нависли над глазами, блеснула, прокатившись по кругу, серебристая изморозь, которая также стремительно вошла в тонкую полоску белка, и затерялась в белых волосках или ресничках окружающих глазницы. Он горестно выдохнул и со слышимым треском своего тоненького голоска, сказал:

– Ужоль-ка ты кубыть не русский. Чё тебе не спросишь, ни о чем не ведаешь, – домашний дух прервался, так как мальчик внезапно резко дернул взгляд в сторону, и прерывисто вздохнув, почувствовал стыд за собственную узость знаний, за не любовь к литературе, и к тому, что составляло жанр народно-поэтического творчества русского народа.

– У то звездочки на небушке, – пояснил Батанушко, и голос его звучал очень ровно, потому как он не столько сейчас желал укорить Павла, сколько просто учил. – Ты ж глянь-ка, аки ясно они горят.

И домовый, не мешкая, поднял вверх голову и уставился в лиловый небосвод. И Пашка следуя за тем движением, также взглянул в небо, где голубое поле и впрямь ровно усыпали крапинки серебра.

– Красиво, – протянул мальчишечка, опять же тихо так, как прежде говорил хозяин дома, боясь разбудить бабушку и любуясь великолепием небесного купола и мудростью собственного народа.

– А то, – дополнил Батанушко, так будто мог слышать мысли мальчика. – Ведал бы ты, скокмо твой дед Лександр тех загадок знал.

Он теперь оперся правой рукой о поверхность поручня перил и принялся медленно подниматься на ноги. Домовой оторвал руку от перил, испрямился, всего только немножечко изогнув спину, и переступил волосатыми стопами по деревянной его поверхности вперед и назад, да поглядывая на мальчика, спросил:

– Може сходим во лузи? Чей-то тебе покажу... – и легонечко кивнул, встрепав на голове локоны густых и длинных волос, и даже качнул косицами на кончиках усов, оные в темноте ровно впитав в себя сияние звезд и сами стали серебристыми.

– Что? – переспросил Павлик, пугаясь этой темной ночи и непонятной какой-то лузи, куда звал его дух. – Я это... в туалет вышел, – шепнул он, все-таки, не желая перед домовым представляться трусливым.

– Уже по пути нужду и справишь. Идем. Ужо покажу тебе чей-то занимательное, – произнес Батанушко, да так настойчиво, что вся неуверенность моментально покинула Пашку.

А дух слышимо хмыкнул носом, будто подбирая забродившие в нем сопли, да, так и не дожидаясь решения мальчугана, торопливо шагнул по поручню вперед, и, дойдя до закругленного его конца, резво спрыгнул вниз. Столь скоро промелькнув перед взглядом Павлика,

словно был и не духом, а какой-то серой или черной тенью, а точнее кошкой Мусей, да, и, только.

Впрочем, уже в следующую секунду вся маленькая фигурка домашнего вспыхнула мельчайшими крохами света или упавшими с небушка звездами, особенно густо покрывших его голову, волосы на ней и даже лежащие на плечах спутанные завитки.

И Павел, словно загипнотизированный этими чудными голубыми капельками света, шагнул вслед домашнего духа, сперва спустившись с последней ступеньки крыльца, а потом, повернув направо, направился вдогон него. А Батанушко, все также ярко сияя и тем подсвечивая путь, пройдя вдоль дома, уже завернул за его угол, оставляя слева от себя колодец. И, чтобы от него не отстать мальчик прибавил шагу.

Пашка, кажется, в два или три шага догнал домашнего духа и пристроился позади него. И так уже вместе они прошли вдоль угловой стены жилища и выступили на широкую полосу внутреннего двора, где по левую сторону рос сад, а по правую, в ряд стояли туалет, дровник и хозяйственные постройки с выгулами для кур, гусей и козы, завершающиеся недалеко от штакетника рубленой кривенькой баней.

Домовой всего только на чуть-чуть сдержал свой шаг возле деревянного туалета и кивнул на него мальчугану. Однако последний, уже вроде и расхотев (как выразился хозяин дома) той самой «нужды», отрицательно покачал головой, неотрывно глядя на пляшущие по волоскам Батанушки огоньки, ровно желающие разгореться лепестками пламени. Поэтому с той же неторопливостью шага Пашки и более поспешного духа, они прошли мимо дровника (большушего крытого навеса), хозяйственных построек, откуда слышалось, недовольное ворчание и редкое растянутое квоканье кур, и бани, в которой кто-то достаточно громко шаркал и шебуршал, словно тряпкой оттирая стены от копоти.

И снова остановились уже у забора, разделяющего внутренний двор и «делянушку». И так как в этом месте не имелось какого-либо прохода в огород, домовой, подступив впритык к штакетнику, ухватился за одну из его планок, и резко толкнув ее вправо, сместив, образовал широкую щель, через которую мог легкого пролезть мальчик. Сам же домашний дух, придерживаясь за другую, неповрежденную планку левой рукой, запрыгнул на жердину, и с той же легкостью спрыгнув с нее, оказался уже по ту сторону штакетника на огороде бабушки.

Пашке, впрочем, чтобы пролезть сквозь щель пришлось опуститься на корточки. Он даже уперся коленками в землю, так как в этом месте уже не было деревянной дорожки. Мальчуган, немножко развернув голову и само туловище, придерживаясь левой рукой за неповрежденную планку, а правую воткнув с обратной стороны штакетника в почву, принялся пропихиваться через проем, издавая отрывистые и стонущие звуки, да стараясь не обронить одетые на ноги тапочки.

– Аки старичишка кряхтишь, – протянул Батанушко, поглядывая как малец, все-таки, протиснувшись сквозь щель, и едва не порвав футболку о торчащий с жердины кривой гвоздь, оперся и второй рукой о землю, а потом воткнул в нее еще и обе перенесенные коленки. Домашний дух, так и не дождавшись, когда Павлик поднимется с земли, сошел с места и двинулся между двумя грядками, через несколько шагов уже ступив на деревянный настил, проложенный там, направившись наблюдаемо к лугу.

Мальчик, встав на ноги, отряхнул от кусочков почвы коленки, и пижамные шорты, да пройдясь ладонями теперь и по футболке, в темноте едва оттеняемой светящимся домашним, и ставшей серо-синей, огляделся. Скользящее дуновение прошелестело теперь не только возле Пашки, но и колыхнуло низенькие ростки на огороде и они словно помахали своими тонкими листочками. И в ту же секунду легкое шебуршание, подобное тому, что раздавалось в бане, послышалось справа, а потом и слева, и длинные полосы теней, будто оторвавшись от ближайших кустиков растений, густыми потоками потекли по грядкам, наполнив синевой почву, дорожки и саму растительность.

От этого удивительного движения, чего-то живого, мальчуган судорожно вздрогнул, а по спине его, будто выскочив из-под волос на голове, сверху вниз прокатились крупные кусачие мурашки, теперь заполонившие тапочки так, что стали покалывать и сами пятки. Павлик, надо признать честно, был не очень то и смелым, а ту самую отвагу проявлял лишь когда преобразался в Дракина-Непобедимого, героя любимой мультиплатформенной компьютерной игры «Блакрум», и тогда с легкостью рубил головы своим врагам. Сейчас же это самое отсутствие смелости, а, проще говоря, боязнь переполнила мальчика и в голове его, сразу, горячей волной проскользнул страх, нагнанный туда еще тогда, когда в листве березы рисовался ему злобный оскал оборотня, а дребезжащий скрип яблони слышался шагом вампира. И тотчас стало казаться, что сам спешно переставляющий маленькие ножки и покачивающий ручками Батанушко, с усеянной искорками головой, лишь галлюцинация.

– Чё ли ты не скумекал? – незамедлительно отозвался хозяин дома, наполняя пространство кругом себя обыденностью, и словно приглушая движение теней на грядках. – Я тебе веду чёй-то показать. Пошто ж стану той самой галлюцинацией, – проронил домовой, очень верно назвав зрительное восприятие несуществующих объектов, и обернулся, только в этот раз не сдерживая свой шаг. – Сие не тени пляшут, а Дворовой. Чёрного врана не могу догнать, ежели и догону, не могу споймать. У то тени вототко, – дополнил Батанушко, видно на ходу снова загадывая загадку и тут же давая на нее отгадку. – А энто Дворовой. Не привечает он чуждых во дворе о то и пужает. Дык и коль толковать, вельми он суров. Покровитель он домашнего скота, да не домового хозяйства, в числе прочего радеет за местом с ухажаями да оградой. Прибывает почасть у еловой ветоньке аль шишке, кья в дровнике прилажена. Ты токмо, гляди-ка, ейну ветвину не тронь, а то Дворовой в ноченьки будять тебе пужать и усякие страсти являть.

Павлик торопливо закивал, так как и вовсе не намеревался ходить в дровник, не то, чтобы трогать какую-то там ветку. Да немедленно ступил вдогон за домовым, стараясь, стать как можно ближе к нему, осознавая, что если кто его сейчас и защитит от сурового Дворового так, непременно, Батанушко. И тотчас текущие тени, выплеснувшиеся от машущих листочками растений, замерли, а позади мальчика раздалось раскатистое мурлыканье, словно объевшейся сметанки Муси. Пашка сделал и вовсе широченный шаг вперед да вместе с тем обернулся. Однако не смог разглядеть ни то, чтобы кошки Муси, но и вообще чего-либо живое. Там и вовсе было тихо, лишь продолжал звучать хор лягушек, долетающий из-за реки, да раскатистый грустный зов птички «Сплю-сплю!», которой точно издали откликнулась не менее печальным «Тю-ю-ю!» другая.

– Сие гамит сплюшка, тюкалка, зорька, маханькая така совушка. Кубыть дремлет она, и дык вотде покрикивает, – пояснил Батанушко, явственно говоря о крике птички, и, кажется, огоньки, усыпающие его волосы и рубашку на спине, вспыхнули ярче, а может только призывнее. – А то ни кот мякнул, а Дворовой, вельми он энту животинку радушно привечает. Да тока ты занапрасно тумкаешь, чё я ноньмо тебе защитник. Ужоль никоим побытом... Допрежь да... – раскатисто дыхнул дух, – а нонича не-а. Бытовал я допрежь хозяином избы и мене усе духи подчинялись, и ажно Дворовой. Да кланяясь мене, завсегда вашесть Батанушко величал, а нынеча як?

– Як? – торопливо повторил Павка, и сам не очень понимая, что сказал и с таким же трудом воспринимая больно заковыристую речь домашнего духа.

– Нынеча никоим побытом, – не мешкая, отозвался домовой и тяжело задышал, да зашмыгал носом, словно намереваясь зареветь. – Ноньмо усю власть я растерял и мене днесь токмо Батанка и кличут. А Волосатка, супружница значица моя, усё мене по горбу навевывает скалкой. Да таковая она воркотунья, ни як ни уймется, и усё веремечко брюзжит... брюзжит. Батанушко тудака, вода убегла... Батанушко сюдытка, мыши в подполе. Наипаче мене измотала, измутила. Вота ты б вознамерелся стать у доме бабушки хозяином. Ну, тамка по дяля-

нушке пособил, дрова поколол, у кур прыбрался... Гляди-ка, и я «означение власти» возвернул. Ужоль-ка поперед ухода из сего мира малешенько б побыл вашестью Батанушкой.

– Да, я, что... я готов, – не задумываясь, отозвался Павлик, не столько даже осознавая, как нужна бабушке его помощь, сколько просто ощущая обиду и горесть в словах духа. – Знал бы ты Батанушко, как несправедлив мой папа, – дополнил он, желая выплеснуть хотя бы ему, все накопившееся огорчение и, кажется, до конца не воспринимаемая речь домового. – Привез меня сюда, в эту глушь и бросил. А тут ну, совсем... совсем не чем заняться. Ни телефона, ни планшета, ни компа. Я даже не представляю себе, как смогу тут жить целых три месяца... Я тут умру от тоски, это так обидно, такая беда, такая несправедливость.

Батанушко внезапно остановился так, что не ожидающий того мальчик, рассуждающий о своих горестях, чуть было на него не наскочил. Впрочем, он успел сдержать шаг, качнувшись рядышком с духом вперед-назад, и скользящие по дорожке его тапочки воспринимаемо скрипнули, как и протяжно подвыла поверхность деревянного настила. Домовой также стремительно развернулся, и, вскинув голову, уставился на Пашу глазами наполненными слезами, поглотившими не только привычный цвет карих радужек, но и белок их окружающий. Потому мальчугану показалось глаза Батанушки стали теперь прозрачно-синими, полными, как морские воды. Домашний дух медленно поднял правую руку, и, направив ее в сторону соседнего двора и дома, едва проглядывающего в сумрачности ночи, срывающимся на рыдания голосом, произнес:

– Тамка, иде ноне стелятся лузи, стояла вегда изба твоо прапрадеда Ильи, в ней допрежь жили и инаковые твои предки, да усё старшие в роду сыны. И им завсегда прислуживал я, абы семьи были боляхные, полные сынами. Старшой сынок егойный Петруша у той избе от своо рождения до почину жил. Усвой срок сынки да дочуры у Петруши народились видные да упавые, як подымутся поутру, дык песни и поют, трудятся. И усё у них во руках спорится, усё ладится. А я сижу за печицей и слушаю, аки они заливаются, ровно соловушки светлые.

Батанушко резко прервался и внезапно заплакал, и те крупные слезы, переполнившие глаза, сверкнув боками, скатились вниз на щеки, да проскользнув сквозь беленькие волоски, покрывающие их, словно нырнули на землю. И в ту же секунду глазницы домового почернели, точно это выкатились не слезы из них, а сами радужки. Голубые огоньки, сбрызнутые на волоски головы домового, опять же приглушили собственное сияние, лишь остались мерцать пару-тройку, не более того, искорок на мохнатых его бровях. И когда уже стало казаться, что вскоре погаснут и те малые крохи света, а Батанушко исчезнет, он вновь заговорил:

– Оттоль, из той избы, три сына Петрушеньки ухаживали на войну, як и он сам. Ужоль таковые то мальчонки славные были, супротив тобя труд уваживали, отцу да матушке пособляли, – домовой в голос вздохнул, и рука его, все пока выставленная в сторону соседского двора за которым и впрямь расстилался луг, а днем можно было разглядеть остатки некогда жилой избы, как оказалось дома прадеда Петра, задрожала. – Тады у деревнях одни бабенки остались, девоньки, мальчони малые, да старики. Обаче усе они трудились у пожнях, огородах, подымались ни свет, ни заря, и ждали... Ждали-пождали весточек с войны... Ту войну опосля Отечественной величали. И мы тогды трудились с ними уместе, особлива радели за птиц и скот, ночами за делянушками приглядывали. И власть свову тож то никто из домовых супружникам не передал, абы ждали мы своих хозяев вспять... А война то долгая была, тяжелая, но мы усё равно ее выдюжили, и Петруша наш возвернулся... Без руки, но живой, почитай чё здоровый... Мужик, хозяин... Петруша возвернулся, сынки его никоим побытом. Усе трое дык и не возвернулись.

Рука Батанушки стремительно упала вниз и повисла, как и повисла его голова, упершись подбородком в грудь. Теперь потухли и последние искорки на бровях духа, лишь внезапно словно возгорелась выглядывающая из ноздри синяя сопель, почему-то вызвавшая в мальчике

не брезгливость, а особые переживания такие, какие он испытал два года назад, когда узнал, что дедушка Саша умер.

– У Петруше опосля то ащѣ сынок народился Лександр, дед твой, – дополнил свою прерывающуюся речь домовой и сопель в его ноздре качнулась вниз-вверх, точно желающая погасить и последний огонек в ночи, оставив для сияния только серебристые звезды, усыпающие лиловый ковер небосвода. Едва слышно заскрипел под деревянным настилом сверчок, и печально подпела ему сплюшка, выводя и вовсе удивительное «тьѣѣв», которому уже из-за линии луга отозвались соловьиные трели выдающие не только изумительное «дью... дью», однократное «фю», «хи», «так... так», но и шелканье, треск, цирканье.

– Петруша у дык вотде и супружницу пережил свою, – продолжил немного погодя Батанушко, и с каждым новым словом на голове его прямо на кончиках волосков возгорались голубые искорки. – Ужоль старый он стал, а усѣ по дому мастерил и тык во единой рукой управлялся. А кода-ка почил, должны были и мы усе помереть. Абы без людей избы рушатся, али горят, як то прилучилось с избой Петруши и мы тож то почиваем... Но пришла толды Верунечка, баушка твоя. Они толды с Лександром в инаково селе, далече отсель новой избой обзавелись... Пришла Верунечка и нашу вота ватагу туды и позвала. Ну, а мы и пошли... Спервоначалу тудыкась, опосля сюдытка... Обаче тутова мы недолзе будем бытовать, и як до нас померли с прежними хозяевами инаковые духи, дык и мы... Стоит токмо Верунечке почить и мы вослед нее исчезнем. Ужоль-ка ведал бы ты, скокмо тутова нашего роду померло, не счесть... Петруша, – дополнил с ощутимой болью Батанушко, вероятно, вспоминая своего любимца, и теперь стали ясно видны его карие глаза, такие же добрые как у дедушки Саша.

– У Петруши, – чуть слышно пояснил домовой, и мальчик понял, что и у дедушки Пети глаза тоже были карие, а дух, точно читает его мысли.

Батанушко прерывисто вздохнул, и, развернувшись уже больше не сказывая и лишь тягостно хмыкая носом, направился вперед по дорожке, а следом за ним пошел Пашка. Мальчик очень хотел сказать что-нибудь доброе, поддерживающее домовому, но как оказалось ничего не смог, будто не умел складывать слова в предложения. А все потому как был и сам очень расстроен услышанным. Впервые, наверно, ощутив гибель всей этой деревни, пожалуй, что на кончиках собственных волосков на голове, словно приподнявшихся и резко скинувших на кожу тела холодные мурашки такие же крупные, как ранее выплаканные домовым слезы. С каким-то особым ужасом осознавая, что после смерти бабушки, такой живой, доброй умрет и этого удивительный Батанушко, хмыкающий носом и покачивающий руками, ступающий волосатыми подошвами ног по деревянному настилу. И тогда, естественно, уйдет вместе с ним и вся его семья, и грозная Волосатка, и милая Тюха Лохматая, и суровый Дворовой. И, вероятно, уйдет тогда в никуда и вся история дедов и предков Пашки, с которыми Батанушко издавна жил.

Мальчик шел вслед за домовым неспешно, теперь не отставая, и зачастую поглядывая вправо... туда, где когда-то стояла изба деда Пети, так нежно называемого домашним духом – Петрушей. Впрочем, сразу за чуть зримым штакетником, разделяющим делянушку бабушки и соседний огород, ничего не наблюдалось даже первого венца сруба, еще пока выглядывающего из земли ранней весной. А плотная ночная темнота создавала лишь сумрачность контуров, в оной пели птицы, квакали лягушки, и словно похрустывали стебельками трав сверчки.

Батанушко достигнув штакетника, разграничивающего делянушку и луг, стремительным и, довольно-таки, сильным движением руки раздвинул две соседние планки в стороны, создав, таким образом, достаточную щель. Он теперь уже неспешно ухватился правой рукой за сдвинувшуюся планку, залез на жердину (здесь и вовсе, будучи собранной из нешироких стволов дерева) и, высунув голову в щель, выглянул на луговину.

– Мы, что в лес идем? – чуть слышно спросил Павлик. Он, впрочем, хотел спросить домового не об этом, а о том, как он может спасти духов от гибели, но почему-то не решился.

Наверно, потому как понял, что перед смертью Батанушки только, что прозвучавшие проблемы о его лишениях и несправедливости слышались, не просто смешными, но, пожалуй, что и оскорбительными.

– Не-а, у гай не йдем, у лузи ступаем, – отозвался хозяин дома бодрым голосом и тут же прыгнул с жердины на землю, прямо в поросль травы. Одновременно, домовой так рьяно мотнул головой, что ссыпал со своих волосков горящие искорки, потому они, упав на растения, повисли на кончиках их стебельков и листочков, да качнувшись вниз, внезапно издали напевную мелодию, перезвона колокольчиков. Еще, кажется, пара секунд и к той нежной мелодичной музыке, словно поскрипывая, присоединился сверчок, а может это заиграла скрипка, на самом деле старинный русский инструмент, который в свою очередь печально поддержал басовитый голос:

– Разлилась, разлилась речка быстрая.

Черяз ту речку перекладинка ляжить.

Там шли прошли три сястричуньки.

Старшая сестра наярёд пошла,

Перекладинка обломилася,

Старшая сестра утопилася, – слышалась песня, в которой больно сильно выделялась последняя буква русского алфавита.

Голос неожиданно, так и не закончив песню, оборвался, и также сразу перестала подыгрывать скрипка, лишь все пока продолжали звучать колокольчики. И в тех нежных перезвонах плыла напевная грусть всего того, что ушло из этой деревеньки перекладинкой обламывая ее дальнейшую жизнь. И Пашка, замерший возле штакетника, да поглядывающий на стоящего уже на лугу домового ощущал всю трагичность умирающих русских поселений и духов, ранее правящих в них. Ощущал все это настоящим, не мультяшным, как было в компьютерных играх и фильмах.

Мальчик, тяжело вздохнув, перебрался через щель в штакетнике, когда затихли и колокольчики. В этот раз он не опускался на коленки, только присел на присядки и придержался правой рукой за сдвинутую планку.

Поднявшись с корточек и выпрямив спину, Павлик огляделся, так как ему показалось, что проплывший голос, тот который исполнял песню, был очень знакомым ему, если не сказать родным. А кругом травы, дотягивающиеся до пояса, шелохнулись сильнее, точно кто-то большой их огладил по верхушкам ладошкой. Единожды смахнув со стеблей и листочков горящие голубые искорки вниз, или наоборот вскинув их в небеса, такие же лиловые, как и цветки колокольчики. Особой мощью дохнуло на мальчугана кисловатым духом разнотравья и он, не мешкая, шагнул вперед вслед затерявшегося в растительности Батанушки, сейчас подсвечиваемого голубыми искорками на спине, будто стекающих вниз по материи косоворотки.

– Правильно тумкаешь, – отозвался из того вороха трав домовой, – энто я пел голосом Лександра, деда твово. Доколь я памятую, аки он звучит.

Легкий ветерок неожиданно качнул травы сильнее и они, приклонив верхушки, зашуршали, зашебуршали или только стали перешептываться друг с другом. С особой силой они огладили оголенные ноги Павлика, местами зацепившись за волоски и вроде потянув их на себя так, что не привыкший к такому щетинистому покалыванию, последний тягостно перекосил лицо. Хотя вслух ничего не сказал, только прерывисто выдохнул, боясь выступить перед домашним духом еще и неженкой. Поэтому мальчик принялся раздвигать травы руками, стараясь поставить ногу так, чтобы в тапки не ныряли и вовсе ежистые травинки, щекочущие пятки.

И так неторопливо, избирая дорогу, они шли довольно долго, как казалось Пашке, а остановились когда позади осталось, наверно, не меньше две трети луга, и дом бабушки, как и сама дялянушка, потеряли контуры, слившись в серо-дымчатую единую массу. В этом месте травы

потеряли свою рослость, а впереди и вовсе едва дотягивались мальцу до колена, хотя все равно оставались высокими для домашнего духа, скрывая его с головой.

– Ужотко не будям подалее хаживать, – проронил Батанушко, оглядываясь, и с качнувшейся его головы вниз ссыпались и последние капельки огоньков, оставшись теперь сиять только на спине. – Неужли надобно быть таковым недотыкой. Охти! Да, ахти! – дополнил домашний дух, устремляя взгляд своих теперь ясно карих глаз на лицо Павлика.

– Колется, – тихонько отозвался мальчуган, и сам отвел взор от лица духа, устремив его вдаль, где луговая полоса заканчивалась серым строем деревьев, чьи выровненные кроны смотрелись подстриженными и касающимися нависающего над ними темно-фиолетового неба свода. Внезапно на линии границы луга и леса наблюдаемо колыхнулись травы, они сперва ровно прилегли к земле, а после по ним ярким потоком пробежали мельчайшие, серебристые огоньки. Эти проблески света проскочили так ясно и стремительно, что Павлику, почудилось, они выскочили из-под земли и опять же интенсивно схлынули вновь туда же. А затем также явно травы вскинулись вверх и наподобие водяного вала, только серо-болотного цвета, пошли на домового и мальчика. Наблюдаемо, приподнимая и опуская вверх растения, вырывая из них отдельные стебельки, листки и даже цветки, которые в свою очередь принимались крутиться в единой воронке подобием смерча, медленно расширяясь и захватывая все большую площадь под себя. На кромке этого вихревого столба иногда, словно восседая на травах или цветках, переливались серебристые огоньки.

Смерч двигался на удивление быстро и бесшумно, будто танцуя в темноте ночи своим нижним, более узким, концом на движущейся волне растительности. И когда уже казалось, воронка вот-вот приблизится, порывистый ветер, дунувший в спину Пашке и Батанушке, да всколыхнувший материю футболки одного и косоворотки другого, с той же стремительностью сбил танцующий смерч вниз, одновременно, остановив волнение трав. Так, что воронка разом дернулась назад, секунду не более того повисела в воздухе, да срыву осыпала вниз ранее вырванные стебли, листочки и цветы.

И тотчас в воздухе насыщенно запахло разнотравьем луга, ровно только, что распутившихся цветов и покошенных трав, вместе с тем заглушив тягостные стенания Павлика, оборвавшие крик ужаса на полуслове. Впрочем, от увиденного у мальчика отяжелели не только ноги, налившись тяжестью в икрах, но и руки, и язык. Именно по этой причине ему и не удалось, как говорится раскричаться. Пашка лишь тягостно захлопал светло-русскими ресничками и дрожаще шевельнул плотными, нежно-алыми губами. По спине его теперь не просто прокатились крупные мурашки, а, прямо-таки, огромные, пожалуй, что с кулак, которые принялись покусывать кожу. Ослабевшие ноги сейчас словно опутали травы и дернули вниз. Поэтому Павлик, качнувшись вперед-назад, торопливо опустившись на землю, присел, подминая под себя травы, и выпрямив ноги, уже и пожалел, что приперся на этот луг, по оному в ночи гуляет такой ужасный смерч.

– Ужоль-ка... – наконец, произнес Батанушко, обозревая усевшегося позади него мальчика, и легонечко качнул головой. – Сие, небось, Межевик шалит... Не дюже он привечает детушек, абы те хаживают в лузи рвать васильки, и завсегда их пугает. Иноредь, право молвить, могёт он заиграться с чадами, да завлечь у травы, сие дык задорно покрикивая. Обаче тутова детки не живут, понеже Межевик тык вот не бузит больше. – Дух смолк и неторопливо развернувшись, шагнул ближе к мальчику. – Межевик энто, братушка Лугового да сынок Полевика, бегивает он по меже, бдит ее, дык гутарить, поправляет вехи на ней. Не дает межу ту никому попить. Поелику могёт и нагнать кои ее самочинно переступают, али почивают на ней... У тык наипаче навалится да оплятет усега травами, дабы вящее тута не почивал.

Батанушко вновь прервался и оглядел Павлика с головы до ног, а тому внезапно показалось, что дотоль опутавшие его голени ног травы принялись ползти вверх, и покалывать на спине под футболкой, руках, и, кажется, даже на шее.

– Да, токмо, Межевик не сердитый, у тык... для порядку попужает и усё, – продолжил свои пояснения домовой, покачивая головой и в его карих глазах засеребрилась мельчайшая изморозь, теперь похожая на слезы. – Беспременно, отпустит... Он чё ж... он с братцем своим должен за порядком следить и батюшке своему Полевику снедь искивать. А опосля, беспременно, пособит работающим у пожнях. Дружен Межевик с Зеленчуками и Зеленушками, сии духи за первой зеленью трав приглядывают. Травичем, кой сеет и растит луговые травы. Соломичем, ведающим соломой, да Стоговым, кый ту солому у стоге и бережет.

– Ты, что меня привел к этому Межевику? – спросил Пашка и принялся чесаться, сначала спину, потом руки и голову, потому как теперь ему стало казаться, что это его не травы опутали, а кусают, слышимо жужжа, пчелы, или осы.

– Може, шмели? – переспросил Батанушко и наблюдаемо для мальчишечки улыбнулся, качнув кончиками усов заплетенных там в косицы. – Ужель сие Луговой любит под бока траву пуцать и шмелей напускать на тех, кые у лузи травы мнут.

Павлик услышав пояснения домового немедля принялся озираться, на ходу размахивая руками и тем желая отогнать от себя не только шмелей, но и того не ясного Лугового.

– Усё то ты порчиваешь, завершай руками махать, аки мельница, – тотчас и весьма сурово проронил домашний дух, и перехватил мотыляющуюся правую руку мальчика, сдержал ее движение. – Кый шмель у ноци, они покамест усе почивают у норках. Толковал, чё любишь быть Дуракином не ведающим страху... А сам... – И покрытое беленькой шерсткой лицо домового изрезало множество мельчайших морщинок, особенно густо укрывших его лоб, превратив его там в сморщенный корнеплод. – И чё ты дык всполошилси... Нешто тумкаешь до тобя есть кому дело? Усе при работе тутова во лузи, тамка во избе, один тока ты лежень... Хотя б чем-нить занялся... Ну, тамоде баушке пособил. – Батанушко прервался, и, отпустив руку Павлика, вроде как, успокоив его, сам обвел выставленными вперед пальцами луг, очерчивая полукруг, добавив, – нетути тутоди нечисти. Може она иде и бродит... та, нечисть. Ну, тамка злыдни, хмыри, коргоруши бродят идей-то, но не тутова, – домашний дух повернул голову налево и слышимо принялся плевать. – Тьфу-тьфу, – слышалось, пожалуй, не одну минуту, а по более, и снова раздался тонюсенький голос Батанушки, – нетути нечисти тутова... у лузи и нашей избе, деревеньке.

Павлик неспешно опустил вниз и левую руку вслед правой, упершись ладонями в прямую траву и теперь вздохнул более размеренно, успокоенный пояснениями домового, да, придавая своему голосу крепости, а губам мягкости спросил:

– Злыдни? – кажется, и вовсе забывая о своей давешней тоске по компьютерным играм и Дракину, радуясь тому, что может слышать такие интересные вещи, и переживать их не виртуально, а в живую.

– Агась, – повторил Батанушко, и, сделав небольшой шагок вправо, развернувшись, присел подле мальчика, также как и тот, уперев ладошки рук в травушку. Поэтому крайние из тех трав, все пока высившиеся над домашним духом качнули своими стебельками и листочками.

– Злыдни, – продолжил домовой свой рассказ через минутку, иногда хмыкая, точно желая высморкаться, – подлая така нечисть, проникает она у избу и приносит одну кручину. Сами то с кулачок и токмо, а як напускают вони, дык прям бери и бегти из избы. И усё, усё крушат, чаво под руки ихние попадет, мисы, чаши, кувшины. Млеко зачинает киснуть, снедь гнить прямехонько на глазах... И усе окрест шумят, гудят, коргузятся, ссорятся, а то гляди-ка и дярутся. Одначе у наших краях злыдни, ежели и живут тока у далеконьких болотах, поближе их Леший никоим побытом не пустит. Инолды они цепляются к городским людям, прибывающим в сии края по грибы да ягоды. И тады отправляются они со людьми у города, у высоченные избы, откель их николеже не выведешь.

Домашний дух замолчал, и, распрямив свое личико и все морщинки на нем, стал вновь обычным, не больно молодым, но и не сморщенным, как высохшая свекла. А Пашка уже

и вовсе напившись спокойствием, широко улыбнулся, услышав, как дух смешно назвал многоэтажные городские дома. Батанушко поднял правую руку, и, выставив свой маленький, покрытый шерсткой указательный палец в направлении леса, произнес:

– Тудыличи гляди-ка. Щас дождемся восхода солнышка и ты чёй-то углядываешь... То чаво никто инакий не узрит. Понеже сие я дык накудесничал, чё ты могёшь глядеть духов усяких разных. Ты тока не вопи, не пужай тутова никого, от труда не отрывай. А то, гляди-ка, явится Луговой и начнет нудить, поелику егось баушка доколь не угостила. – Дух опустил руку вниз, прижав ее к груди и утопив в белесых волосах бороды, – а он ужель-ка давнешенько пробудился, – продолжил он не торопливую свою речь, – почитай шестнадцатого цветеня, по вашему значица апреля, на именины Водяного. Переплут и Водопол тот денек ащё величают. Энто кады Водяной, русалки и усякая инаковая водная живность пробуждается. Тадыличи и Луговой пробуждается. Обаче поколь до травеня, ну... мая значица лишь похаживает по лузи, потягивается, а к работенке приступает у травене... Скумекал, чай, Пашка? – завершая речь, спросил дух, и прерывисто вздохнул, словно чем-то был встревожен.

– Ок, – негромко отозвался мальчик, вновь начиная беспокоиться, поэтому торопливо оглянулся назад. Да только там, позади... кроме высокой стены травы, густо стоявшей, ничего не было видно. Сейчас ровно стихли в своих перешептываниях растения, только раскатисто из них слышалось похрустывание сверчка, с кем-то, пожалуй, что переговаривающегося.

– Охма... часточко ты икаешь, як я погляжу, то не добре. Могёшь и вкорень той икотой захлебнуться, – протянул внезапно домовый и качнул головой, однозначно, выражая, таким образом, беспокойство.

Мальчик, однако, не откликнулся, так как не икал, и не понял к чему, это сказал Батанушко, а переспрашивать не стал. Он вновь повернул голову в направлении леса, и, устремив туда же взгляд, замер. Ведь Пашка впервые встречал рассвет, да еще и на лугу в дальней деревенке, своей привольной земли, в обществе удивительно-умного домашнего духа. А кругом стоило только им обоим смолкнуть, особыми напевами заскрипели сверчки. И их мелодичному трению с гортанным или обрывистым металлическим звоном подпевали издали лягушки, перекликающиеся с растянутым заунывным «Сплю-сплю!» и раскатистым «Тю-ю-ю!». И всю эту замечательную и столь разнообразную мелодию поддерживали переливы соловьиных пощелкиваний, то поциркивающих, а то и вовсе хихикающих. Ночная даль небес еще долгое время была сине-фиолетовой, словно наполняющаяся чернотой и с тем хранила в этом бархатистом полотне сияние мельчайших звезд и неповторимых по формам созвездий. А медовая сладость зацветающих цветов, перемешивающаяся с кисло-соленым ароматом примятых трав наполняя ноздри Павлика, легонечко вроде его покачивала. А может это успокаивающе покачивал мальчугана зов сплюшки и тюкалки. Потому глаза его сами собой смыкались, а тяжелеющая голова, которую не держала слабеющая шея, покачивалась вниз-вверх.

Впрочем, когда уже сгибалась в позвоночнике спина, и, опускался к груди подбородок Павлика, да руки, упирающиеся в землю, дрожали в локтях, Батанушко приподнимался на коленочках и дул ему в лицо, изгоняя сон и, одновременно, пробуждая. И тогда мальчику слышался размеренный тихий голосок домашнего духа шепчущего, кажется, в сами уши:

– Пшла отсель Дрёма...

И та неведомая Пашке Дрёма и впрямь покидала его. И мальчишечка, часто-часто моргая, пробуждался, тягостно растягивая в разные стороны рот, и поднимая руки, потирал кулаками глаза.

– А кто такая Дрёма? – спросил он у духа в который раз пробуждаясь и громко зевнул, даже немножечко перекосив на сторону нижнюю челюсть.

– Опосля растолкую, – протянул Батанушко, и, вновь вскинув вверх руку, маленько качнул не сомкнутой рукой в направлении леса.

– Ок, – отозвался Павлик, возвращая нижнюю челюсть в исходную диспозицию и устремляя взгляд в указанном направлении. Лишь немного погодя заметив, что кругом них смолкла не только зорька призывающая поспать, скрипящий сверчок, лягушки, но и соловьи. И наступила тишина. Такая плотная, которая, вероятно, бывает только далеко от городской суеты.

Еще немного того напряженного безмолвия и кроны деревьев самую малость качнули своими верхушками, а может лишь листвой на них висящей. Это легкое волнение, наблюдаемо скатившись вниз по крайним ветвям деревьев, перекинулось на луговые растения, в свою очередь, качнув кончики трав и листву так, что ближайшие из них, склонившись, огладили мальчика и духа, обдав их обоим медовым ароматом. И тот же миг синь глубоких небес зримо поблекла, одновременно, впитав в себя звезды, лишь оставив отдельные из них, но уже только серебристые, притом затаив и само их мерцание.

И также внезапно, как раньше наступила тишина, где-то глубоко в лесу, хранящем сизую сумрачность, вспыхнула яркой крохой зеленая звездочка. Она так насыщенно и призывно засияла, словно кто-то там зажег фонарик. Ее сконцентрировавшийся в одном месте огонек, несмотря на удаленность, смотрелся, вопреки звездам, непрерывным, вроде на него не могли повлиять ни растущие деревья, кусты, ни даже движение самого воздуха.

Павлик, заметив этот одиночный свет, напрягся весь, прищунив глаза, стараясь разглядеть то, что пряталось под тем сиянием. Подумав даже, что, быть, может, кто-то из деревенских возвращаясь из леса, зажег фонарь. Однако огонек наблюдаемо не двигался, оставаясь на одном месте. И мальчик теперь и сам поднял руку, да выставив, как то ранее делал домовый, указательный палец, приоткрыл рот стараясь обратить на свет внимание последнего. Впрочем, упреждая его вопрос, немедля отозвался Батанушко, прижав к своим волосатым губешкам палец и чуть слышно дыхнув:

– Тсс...

И Пашка сразу закрыл рот, опустил вниз руку, прижав ее к вытянутой ноге, так как уже в следующую секунду в нескольких шагах от него словно проступая в стене трав, вспыхнул еще один огонек, только ярко-красный, а потом чуть более удаленно и вовсе пурпурный...

Не прошло и минуты, как лесная даль наполнилась мельчайшими, прямо точечными огоньками, и не менее плотно вспыхнули брызги света в луговых травах. Только если в лесу то были в основном разнообразные оттенки зеленого и желтого бисерного света, то в лугу красного, своим сиянием напомнив Паше прежде наблюдаемый небосвод усыпанный звездами. И этому многообразию звездных светил только сияющих на земле внезапно отозвалась трелью пичужка ее раскатистое «фи... ить, фи... ить» долетело из расположившегося позади мальчика и домового сада бабушки. А уже в следующий момент яркий бисер света вспыхнул и справа, и слева, темно-зеленой, серебристой и синей капелью звездочек. Эти яркие огоньки были хорошо видны как в густоте леса, так и сквозь стебли трав, опять, словно неподвижно замерших на месте.

Домашний дух торопливо поднялся на ноги, и, повернувшись в сторону деревенских домов, легонечко кивнул в ту сторону, будто на что-то указывая Павлику. И мальчик, не мешкая, и сам поднялся на ноги, да развернувшись, к собственному удивлению увидел, что и сама деревенька, проступающая в серости восхода только пепельными контурами садов, хозяйственных построек и домов, поблескивает золотистыми и голубыми огоньками. Их яркость, кажется, проступала сквозь стены жилищ, через стволы деревьев, опять же не мигая, а имея постоянное, непрерывное сияние.

– Что это? – едва слышно продышал Павлик, и даже в предрасветной сумрачности его глубокие серые глаза, с легкой сквозящей в них голубизной, точно отражающейся от лучей восходящего солнца стали еще больше, крупнее. Он теперь обернулся назад, оглядел справа и слева лежащие луговые травы и лесные просторы, наблюдая яркость зеленого, красного,

серебристого света и впрямь ровно просыпанного на планету Земля из самого космического пространства.

И в тоже мгновение все пока единственно поющей, точно на одной ноте, из сада бабушки, птичке откликнулась другая, впрочем, ее «фи... ить» звучало более громко. Мальчик перевел взор на стоящего подле него Батанушку чьи длинные и густые волосы, лежащие на плечах спутанными завитками, как и само лицо, поросшее беленькой короткой шерсткой, мягкая борода, длинные усы и материя красной косоворотки были покрыты мельчайшими, голубыми огоньками, чьи лучики, расходясь во все стороны, создавали над ним светящийся полукруг, на вроде мыльного пузыря.

– Сиё духи, – пояснил Батанушко.

И в сиянии того голубого света, его белок, окружающий карие зрачки, и сам вроде как посинел. Он теперь поднял руку, и словно разрезая на части сияющий пузырь, очерчивая полукруг, не только по линии деревни, но и луга, леса, дополнил:

– Духи... Тутова домашние, тамка полевые, да лесные. Ужель-ка водяных отсель не видать. Дык вотка нас покель много... Обаче не меньше нас помирает, абы люди вырубают гаи, застраивают высоченными избами лузи и пожни, а деревеньки, иде мы отродясь и живем, бросают... Да тока не ведают люди, чё ежели мы усе помрем останется толды обок них одна нечисть. Зловредная, приносящая беды и хвори, губящая сам человеческий род, – домовый смолк и тягостно выдохнув, опустил руку вниз, ровно кинув.

– А почему вы не живите в городах, там же есть парки, многоэтажные дома и дворы при них? – спросил дрогнувшим голосом мальчик и на глаза его выплеснулись мельчайшие, как и сами облепившие хозяина дома искорки, слезинки. Крупные кусачие мурашки не только от витающей кругом прохлады, но и от услышанного наполнили все тело Павла и с особой силой шевельнули волосы на его голове, от осознания неизбежной гибели всех этих духов, столь ярко горящих в серости утра. Все пока еще горящих...

Небо сейчас наблюдаемо втянуло в себя остатки синевы, перекрасившись в пепельные тона и оставив на своем полотне, словно отодвинувшегося по линии смыка земли и неба, лишь тройку не более того мерцающих белым светом звезд. И так же разом, будто по единому указанию потухли сияющие огоньками в лугах, лесах и деревеньке духи, и даже голубоватый пузырь над домовым пригасил собственную яркость.

– Эвонти... як ты их величаешь, – протянул Батанушко, с ощутимым трудом подбирая слова, и его тонкий голосок сейчас звучал с тоскливым надрывом. – Высоченные избы, многоэтажки давнешенько нечистью заняты. Абы духов должно в жилище приглашать, а злыдни и сами явятся, проси не проси... Мы же, духи, супротив намерения хозяев никоим побытом не можем вторгаться без спросу в жилище. Да и коль у избе обитает нечисть и хозяин с ней не тягается, то мы никоим побытом у том жилище бытовать не будям, абы инакии мы... Нечисть злобна, мы добры, мы противны им. А касаемо города дык тамоди нетути простору... Нетути тамка лузи, иде полевые травы шепчутся, пожней, иде злаки машут колосками, гаев с невылазными дебрями и болотными далями... Нетути тамоди места Полевику, Межевику али Лешему, Гаюну... Ужель-ка не толкую я о Луговом, кой травы растит да косить пособляет... – Батанушко резко дернул взор влево и чуть слышно хмыкнул, кажись, подбирая забродившие в носу сопли, даже чуточку показавшиеся из левой ноздри зелено-переливающейся верхушкой. – Усё дурында таковой во кусте соседнем сиживает. Небось, вmale явится и будять нудить, ты токмо не дуже его жалеи, – дополнил он.

– Ок, – немедля отозвался мальчик, и теперь и сам хмыкнул носом, потому как выскочившие из его серых глаз слезинки смочили не только кожу щек, но и наполнили влажностью ноздри, так что он, вторя домовому, тоже ими зашмыгал. Уже так сильно переживая за духов... всяких разных не только домашних, но и лесных, полевых, водяных.

Батанушко между тем медленно развернулся в сторону восходящего солнца, и, покачивая головой, да помахивая завитками своих беленьких волос, словно оглаживающих ткань рубахи и с тем впитывая в себя голубое, лучистое сияние, как и мельчайшие огоньки, озабоченно произнес:

– Ужоль-ка дюже, як я гляжу тебе сия икота мучает. Ежели ащѣ икнешь не мешкая гутарь: «Икота, икота поди-ка на Федота, с Федота на Якова, с Якова на усякого». – Домашний дух прервался и когда мальчуган, повернувшись, сместил на него взгляд, добавил, – токмо тады на мене не гляди-ка, ибо я не дюже люблю икать. Лады?

– Ок, – отозвался Пашка и кивнул для ясности. Он перевел взор на небеса, которые собственной далью теперь словно прогнулись и стали напоминать закругленный свод, да на грани леса наблюдаемо поалели. Более осязаемое дуновение, прокатившись по кронам и травам, колыхнуло первое и второе, поэтому послышалось их ясное шуршание, поддакивающее разгорающимся трелям птиц, долетающих и со стороны леса. А в нескольких шагах от себя, в качающихся травах, Пашка заметил неожиданно выглянувшее из-за стеблей личико старичка, с зеленой гладкой кожей. На этом узком лице поместился сморщенный и искривленный на кончике нос, маленькие болотные губки, а из-под мохнатых перевитых меж собой травами бровей созерцались васильковые глаза. На голове, явно духа, находились, вместо волос, стебли ковыля, с перистыми длинными остями от нежно-белесого до серебристо-зеленого цвета. Эти же кудлатые перья заменяли ему неплотную бороду да усы, а на голове, прямо на выглядывающих из ковыля острых ушках, восседал свитый из трав веночек, украшенный цветущими васильками, лютиками, ромашками, сбрызнутый сверху мельчайшим просом зеленых искорок. Дух, с тощенькими ручками, длинными и загнутыми пальчиками (покрытыми той же зеленой кожей) придерживался за стебли, и стоило только мальчику словить взгляд его васильковых глаз на себе, как он резко сомкнул между собой травы, точно впитавших в них.

– Ну, – протянул, словно чего-то, ожидая Батанушко и Павлик, сместив взгляд на него, удивленно передернул плечами, не очень понимая, что последний от него хочет. – Як я тебе учил, – дополнил домашний дух и тягостно затряс головой, будто принявшись кивать или только подзадоривать, – икота, икота поди-ка на Федота, с Федота на Якова, с Якова на усякого, – проговорил домовый и ожидающе уставился на мальчика.

– Я не икал, – негромко отозвался Пашка, поежившись, потому как прохлада сейчас, кажется, забралась к нему под футболку и шорты. Он неторопливо, опустившись на землю, сел, став вроде ближе к Батанушке и немного склонив голову на бок, с тем же ожиданием глянул на хозяина дома.

А где-то совсем рядышком, видимо, в ближайших стеблях кто-то судорожно всхлипнул. И этому вздоху внезапно и очень громко отозвался птичий хор, разом выплеснувшийся из леса, и слившийся в единую музыку с тем, который плыл из деревни. В этом многоголосье особенно выделялись зычные, раскатистые «тиу... тиу» и «фьюить... трр», сопровождаемые звонким «чак... чак», громким отрывистым «цик... цик», да словно истеричным трърьри.

– Ну, як же не икал, вота икнул, – несогласно проронил Батанушко, теперь выпучивая вперед свои маленькие карие глазки, видимо, поражаясь происходящей неясности.

– Да, нет же... не икал, – несогласно ответил Павлик и покачал отрицательно головой и сам, поражаясь тому, что дух к нему привязался с той непонятной икотой. Так как он и вовсе очень редко икал, и то в основном, когда мерз. Сейчас же, несмотря на легкий ветерок, принесший прохладный воздух, точно обнявший со всех сторон мальчугана, он, определенно, не икал, и даже не собирался.

– Ну, коль икнешь не забудь як я тебе учил, токмо на мене не гляди-ка толды, вегда сказываешь, – все, никак не унимаясь, произнес Батанушко, и словно в унисон движению воздуха, оглаживающего кроны деревьев, и, пригибающего травы, тихонько вздохнул. Домашний

дух отвел взор от лица мальчика, впрочем, все еще косился на него правым глазом, вероятно, стараясь подловить его на том самом икание.

– Ок, – откликнулся чуть погодя Пашка, и тотчас домовый резко развернув в его сторону голову, с очевидным осуждением уперся взглядом в его лицо. И мальчишка, наконец, догадался, что под икотой домашний дух понимает тот самый его «ок» – «да» сказанное на английском языке.

– Я не икаю, – теперь стараясь разъяснить ситуацию, проронил Павлик, и широко улыбнулся, глядя на осуждающее личико хозяина дома, немножко даже сморщившегося на кончике широкого его носа. – Говорю – да, только по-английски.

– По-каковски? – переспросил Батанушко, и осуждение на его лице теперь сменилось на подозрительность так, что стала подергиваться нижняя губа, а ее край дотянулся, кажется, до подбородка. Еще пару секунд и нижняя губа тягостно затряслась, закачались на ней также изогнувшиеся растущие по краю волоски, ровно домовый расстроился услышанному.

– По-английски, – едва шевельнув губами, отозвался Павлик, и отвел взгляд в сторону от лица духа, так как увидел, что к дрожанию губы добавились переливающиеся прозрачными боками слезы в его глазах. – Это значит – да, только коротко.

– А... – очень глубокомысленно протянул Батанушко, и точно впитав внутрь глазниц покачивающиеся в уголках слезинки, и подтянув нижнюю губу, медленно присел подле мальчика. Он придвинулся к нему, как можно ближе, и, уткнувшись своей мохнатой головой ему в бок, как-то прерывисто выдохнул, будто выплескивая, таким образом, собственные переживания. Его маленькое тельце ощутимо для Павлика дрогнуло, и колыхнулись волосики на голове. И дабы хозяина дома поддержать или успокоить мальчик протянул руку и приобнял его, словно младшего брата, которого у него не было. А может, все-таки, старшего, которого также не имел.

– А куды ж ащё короче... Короче – да, – сказал Батанушко и голос его звучал сердито, и близко сдвинулись между собой его мохнатые белесые брови, сделав выражение лица недовольным. – Ужоль-ка мы помрем и станете вы усе по ненашенски калякать, – протянул он ворчливо, почасту вздыхая, – забудяте раздольный, певучий русский язык и будяте усе напрочь икать.

Он резко свернул свое бурчание, словно оборвав собственную речь на половине предложения, а секундой спустя, запел дедушкиным, печально-басовитым голосом, не столько начиная песню, сколько явственно ее продолжая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.